Йоханнес Раймер

Евангельские первопроходцы в Кыргызстане

Из жизни и деятельности

Мартына Тильмана

Из жизни замечательных миссионеров

Йоханнес Раймер

Евангельские первопроходцы в Кыргызстане

Из жизни и деятельности Мартына Тильмана

Logos Verlag
Historische Kommission des
Bundes Taufgesinnter Gemeinden in Deutschland

Автор: Johannes Reimer
Название оригинала:
Seine letzten Worte waren ein Lied
Издание первое: 1998

Автор: Йоханнес Раймер
Название: Евангельские первопроходцы в Кыргызстане
Издание первое: 1998
ISBN: 3-933828-08-2
Заказ: 70-1-126

Перевод: Elvira Kanke
Оформление обложки: Thorsten Plass
Набор: Enns Schrift & Bild, Bielefeld
Типография: World Wide
Издательство: Логос, Германия

Содержание

Глава 7

Миссионерам общества „Логос“ посвящается

Сокращения

ЭС	„Эхос оф сервис“
ГПУ	Государственное политическое управление, советская тайная милиция
СБ	сообщения библейской школы Виденест
МБО	меннонитская братская община
МЭК	меннонитский центральный комитет
„ОД“	открытые двери (информационный бюллетень миссионерской семинарии при библейской школе в Виденесте)

Предисловие

В этой книге рассказывается необыкновенно волнующая история жизни одного из отцов миссионерского движения среди меннонитов России, да и всех евангельских общин восточноевропейского протестантизма вообще. Его вклад в дело евангелизации мусульманских племён Центральной Азии, как, между прочим, и деятельность многих других пионеров миссионерства, исчез среди событий прошлого и забыт. И лишь немногие историки упоминают в своих исследованиях имя Мартына Тильмана (1871-1923). Даже в описании жизни и деятельности миссионера Германа Янтцена, его ближайшего сотрудника по работе среди мусульман в Центральной Азии, его труд не был оценён по достоинству. Янтцен в своей книге ничего не рассказывает о сотрудничестве с берлинскими миссионерами Тильманом и Боном. Как бы между прочим упоминает он в одном из своих докладов о миссионерской конференции в Бетеле, недалеко от Билефельда, в которой он принимал участие с Рудольфом Боном, многолетним сотрудником Тильмана: „Поначалу брат Бон тоже хотел принять участие в работе среди мусульманского населения, но непреодолимым препятствием стало незнание узбекско-тюркских языков. Он и брат Тильман могли общаться с магометанами, но для выступления с проповедью этого было далеко не-

достаточно. Поэтому они больше работали среди меннонитов и других немецкоязычных народов.“ Хотя в этом высказывании и есть доля правды, так как ни Тильман, ни Бон не владели в такой мере киргизским языком, как Янтцен, значение миссионерского вклада этих берлинских миссионеров, однако, им полностью обесценивается. О причинах такой оценки их деятельности будет сказано ниже. Эта книга призвана, насколько это сегодня ещё возможно, оживить историческую миссию Мартына Тильмана.

Мартын Тильман был выпускником библейской школы в Берлине. Сегодня это миссионерская семинария при библейской школе в Виденесте. Эта школа, как ни одно другое теологическое учебное заведение, с 1905 готовила года миссионеров для восточной Европы.

Когда в 1924 году над ещё не окрепшей русской общиной начали сгущаться тёмные тучи, только в России работали 50-60 миссионеров, подготовленных в библейской школе Берлина, позже Виденесте.

Особенно большую работу проводила библейская школа по подготовке работников в меннонитских общинах России. В 1922 году Иоганнес Варнс об этом пишет: „Не менее, чем 40 братьев из этого меннонитского круга готовились в нашей библейской школе, чтобы потом служить проповедниками, евангелистами, учителями.“

Мартын Тильман был одним из этих братьев. Он не принадлежал к числу „горячих голов“, действующих бурно и напористо, к числу тех, кто

везде производил сенсации. Но его служение оставило заметные следы. Познакомить христианских читателей с этим верным учителем – одна из целей этой книги. И, кроме того, я надеюсь через историю жизни одного из первых миссионеров среди немцев-меннонитов России пробудить новый интерес к миссионерской работе среди мусульманского населения Центральной Азии. Да использует наш Господь в этом деле скромное, но такое влиятельное свидетельство жизни Мартына Тильмана!

Мусульманский мир строит сегодня самый большой бастион против распространения Доброй Вести. И в наше время, как никогда, большой спрос на таких людей, кто, как Мартын Тильман, с искренней молитвой и в полной готовности отдав все свои силы на службу Иисусу Христу, шёл бы в народ. Но как нам стать таковыми, если мы не будем иметь перед собой примеров для подражания? Таким примером является Мартын Тильман. Его имя мало знакомо, и эта книга призвана представить его нашим общинам.

Сегодня сотни тысяч российских меннонитов живут в Германии. Немало из них, как и я, учились в библейской школе в Виденесте и других библейских школах, готовящих миссионеров. Некоторые из них пошли по миссионерскому пути, будучи призваны Богом. Точно так, как Мартын Тильман. Но как многих ещё не хватает! Пусть эта книга придаст мужества хотя бы немногим посвятить себя миссионерской деятельности.

Эта книга никогда не увидела бы свет, если бы

не помощь многих людей. Прежде всего я хочу поблагодарить Вернера, сына Мартына Тильмана, который живёт сейчас в Детмольде. Он жертвовал своим драгоценным временем и дал много полезных советов по подготовке текста к издательству. Благодарю мою дорогую жену Корнелию, которая всё снова и снова грамматически и стилистически обрабатывала написанное мною. Большую помощь оказали также работники архива в Виденесте и Лондоне, за что я им очень благодарен. Книга вышла в печать только благодаря финансовой помощи исторической комиссии Союза христианских общин Германии. Всем им моя сердечная благодарность. Пусть рассказ о Тильмане будет небольшим вознаграждением за ваш труд.

Йоханнес Раймер, зима 1997

Глава 1

В надёжном окружении колонии

Детство и юность

Мартын Тильман родился 25 февраля 1871 года в селе Николайдорф, в меннонитской колонии Гнаденфельд на реке Молочна в Таврической губернии на юге России. Его родители были крестьянами-землепашцами, как и большинство живших здесь меннонитов. Его отцу, Мартыну (1841-1913), было всего десять лет, когда его родители вместе с другими прибывшими из Пруссии меннонитскими семьями основали селение Николайдорф. 17 ноября 1863 года он женился на своей ровеснице Елене Кетлер (1841-1913). Они купили себе сравнительно небольшой участок земли и прилежно вели своё хозяйство. Их жизнь проходила за возделыванием этой плодородной земли от посева до уборки и посещением местной общины. Вскоре Бог послал им детей, первые пять из которых были девочки. Родители были несказанно счастливы. Но вскоре смерть своей тенью омрачила их радость. Двое из девочек умерли очень рано. Их третья дочь, Мария, родившаяся 21 марта 1867 года, умерла спустя два месяца после рождения, 3 мая этого же года. Пятая дочь, Зузанна, родившаяся 22 октября 1869 года, умерла два года спустя, 13 марта 1872 года. Тяжёлая жизнь немецких переселенцев в Таврических степях и далеко недостаточное медицинское обслуживание потребовали своей дани и от Тильманов.

Можно себе живо представить, что творилось в маленьком домике села Николайдорф, когда

семье сообщили, что у них родился мальчик. Счастливые родители, соблюдая семейную традицию, назвали его Мартыном. Когда-нибудь он возьмёт на себя двор и хозяйство. Так было принято. Так поступали все меннониты. Мальчик должен был носить имя Мартын, по отцу. Долгожданное рождение сына утешило родителей и отвлекло от воспоминаний об умерших дочерях. После Мартына у Тильманов родились ещё четверо сыновей и две дочери.

Мартыну едва исполнилось пять лет, как семье снова пришлось пережить смерть одного из детей. Яков, родившийся 24 января 1876 года, жил всего два дня. Но и эта боль прошла. Трудолюбивые меннониты давно научились принимать своих детей из рук Божьих и так же доверительно возвращать их Ему, если дети рано умирали. Смерть не была для них табу, они её не боялись, но и не прославляли, то есть исходили из Священного Писания: „Бог дал и Бог взял – слава Ему," – эту жизненную позицию своих родителей Мартын имел возможность наблюдать с самого детства.

Между тем Мартын рос и мужал под сенью родительского крова. Сначала он посещал сельскую начальную, потом Гнаденфельдскую центральную школы. Последняя, для продолжения образования, была открыта лишь в 1873 году. Ведущими учителями этой школы были Герман Ленцман и Вильгельм Нойфельд. Это были талантливые и широко образованные люди. Мартин посещал эту школу, когда ею заведовал Ленцман.

Герман Август Ленцман, сын гнаденфельдца Августа Ленцмана-старшего, сыгравшего решающую роль в развитии меннонитского движения, после школьного обучения в России продолжал своё образование в миссионерской школе Бармена. С открытием Центральной школы в Гнаденфельде Ленцман преподавал в ней уроки религии. Проработав здесь один год, он уехал в Германию и стал студентом теологического факультета Тюбингенского университета. В течение года он слушал лекции известного профессора теологии Тобиаса Бекка и отался его сторонником на всю жизнь. Затем он снова вернулся к прежней деятельности в Гнаденфельдской школе.

Ленцман, без сомнения, произвёл на Тильмана сильное впечатление и сыграл решающую роль в выборе им в будущем профессии учителя. Вполне может быть, что именно в эти годы Тильман избрал путь тихой и скромной сдержанности. Ленцман приветствовал благочестие сердца и предпочитал его всякому искусственно созданному, внешнему самоутверждению. Но учитель говорил на уроках не только о внутренних достоинствах христианина. Как ученик Бекка, он видел широкое поле деятельности миссионерства. Наверняка он рассказывал своим ученикам о большом мире вне маленькой и тихой степной деревушки Гнаденфельд. Так и в сердце Мартына росло желание познать мир вокруг себя и по возможности работать в нём как миссионер. Путь к осуществлению его мечты пролегал через пример его учителя. Мартын решил, что он тоже станет учителем.

Закончив Центральную школу в Гнаденфельде, он продолжал своё образование на педагогических курсах в Галбштадте, центре молочненских меннонитских поселений. Эти курсы были созданы для выпускников молочненских центральных школ 1878 года и размещались при Галбштадской центральной школе. Курсы длились два года и были предназначены для подготовки учителей сельских школ. К этой работе и стремился Мартын.

Община и миссия

Кроме хорошего влияния школы большую роль в жизни Мартына, безусловно, сыграла Гнаденфельдская меннонитская община, перенявшая эстафету дальнейшего образования духовной личности будущего миссионера. Мартын вырос в особой общине. В то время, как большинство меннонитских общин находились в беднейшем духовном состоянии, Гнаденфельд превратился в центр духовного пробуждения. План работы общины на неделю впечатляет: в воскресенье проводилось два богослужения, в среду община снова собиралась. Отдельно собирались кружки миссионеров по изучению Библии, которые проводились по домам, кроме того, регулярно устраивались миссионерские праздники. От Гнаденфельда исходила атмосфера миссионерского очарования и увлечённости. Да, это было настоящее миссионерское движение, которое охватило сна-

чала церковные, а потом и братские меннонитские общины. Не случайно П.М.Фризен называет Гнаденфельд „местом зачатия“ меннонитской братской общины, что не в последнюю очередь касается и вопроса миссии. Целый ряд меннонитских учителей и проповедников Гнаденфельда получили образование в Германии, и прежде всего в миссионерской школе Барменской миссии города Бармена. Выпускники возвращались в южные районы России, охваченные горячим желанием евангелизировать язычников. До 1910 года только из церковных общин 14 миссионеров работали на островах Ява и Суматра. К их числу нужно прибавить 8 миссионеров из меннонитских братских общин, которые отправились в Ост-Индию.

Непосредственным результатом этого миссионерского воодушевления были ежегодные миссионерские праздники общин. Отсюда черпались начинания, здесь молились о поддержке. Неустанным мотором этого движения был уже пожилой Генрих Диркс. Ганс Касдорф характеризует Диркса следующим образом: „Среди миссионеров и путешествующих проповедников, кто в церквах России чувствовал себя как дома, кого в этих церквах избирали и посылали на миссионерство, Генрих Диркс – один из самых выдающихся. Его понимание миссионерской деятельности сложилось в школе жизни; поле его деятельности распространялось за пределы области; имя его было широко известно за пределами России. Если говорил Диркс, то все слушали;

его слово имело значение, его уважали; написанное Дирксом воспитывало широкий круг читателей.“

Диркс был первым меннонитом из России, в 1864-1868 годы поехавшим учиться в Дом миссионеров Бармена. В числе его учителей был известный миссионер-теолог Фридрих Фабри (1824-1891). В 1969 году Диркс вместе со своей женой Агнес, урождённой Шредер, был послан нидерландским миссионерским обществом евангельских христиан на остров Суматра. Девять лет спустя община на Суматре уже насчитывала сто членов. В 1881 году по состоянию здоровья он вернулся обратно в Россию, где стал любимым проповедником-миссионером.

Без сомнения, тогда ещё юный Мартын тоже слушал Диркса, и возможно, даже был знаком с ним лично. Может быть, его пламенные проповеди зажгли и сердце Мартына, призывая его к миссионерству. Во время одного из миссионерских праздников Диркс проповедовал на стихи из Луки 12, 49: „Огонь пришёл Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!“ Глубоко тронутый содержанием Божьих слов, он сказал:

„По словам Иисуса Христа, Он пришёл на землю с целью разжечь на ней огонь, но не обыкновенный, земной огонь, а огонь познания Бога, огонь правды и любви, огонь Святого Духа и вечной жизни. Собранные воедино познание Бога и Его справедливость, любовь, вечность и Дух Святой составляют огонь Иисуса Христа. Этот

огонь горел в Нём ещё в доисторической вечности, ещё до сотворения мира. Движущая сила этого огня заставила Его оставить небеса и прийти на землю. Эта сила понуждала Его, и Он не мог иначе: Он должен был зажечь огонь в сердцах своих собратьев-людей. И Он сумел это сделать в сердцах многих. Христиане, являющиеся настоящими, живыми христианами, возрождёнными к живой надежде, познавшими таинства веры с чистой совестью; чье служение Богу украшается святостью, кто ждёт Его Святого пришествия в чистоте и справедливости, как их понимает Он, – это люди, зажженые огнём Иисуса Христа. О если бы во всех нас без исключения, сердца были возжжены этим святым огнём! И если в чьём-то сердце действительно горит святой огонь Иисуса Христа, то он, само собой разумеется, готов стать миссионером. Да, он обязательно сделает всё, чтобы в сердцах ещё нехристиан, то есть язычников, мусульман и иудеев, загорелся огонь Христа. Этот огонь имеет свойство распространяться вокруг и всё больше расширяться, от него исходит яркое сияние, он разбрасывает искры, далеко летящие по воздуху, и там, куда они падают, тоже начинается возгорание, зажигается новый огонь. То же самое происходит, если наши сердца зажжены огнём Иисуса и если этот огонь горит в нас ярко, пламенеет, полыхает, тогда от нас исходит яркое сияние, тогда мы зажигаем всех вокруг себя, тогда искры от нас разлетаются далеко, через моря и горы, в земли язычников и магометан, возжигая и там пламя; – тогда не нужно ри-

совать красивых картин, тогда отыщутся братья и сёстры с огнём Иисуса в сердцах, которые с зажжёнными факелами Евангелия в руках отправятся в земли дикарей, язычников и магометан и там зажгут Святой огонь Иисуса Христа. А родители, родственники и друзья не будут их удерживать и отговаривать, потому что миссионер, который отправляется к язычникам, подобен искорке, которая оттуда светит ярко и лучисто огнём Иисуса, летит дальше и на новом месте нехристианского мира воспламеняет сердца. Как милы нашему Господу такие искры! Именно такой смысл заключён в словах: „И как желал бы, чтобы он уже возгорелся!“ Он хочет, чтобы искры летели, потому что невозможно себе представить сильный огонь без разлетающихся искр.

Если наш Господь ничего не желает больше, чем чтобы горел огонь, который Он пришёл зажечь, то для Него нет ничего дороже этих разлетающихся искр, то есть, чтобы оттуда, где огонь уже горит, посылались миссионеры. Таким образом в словах Господа: „Огонь пришёл Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!“ – ясно выражено желание миссионерства. Наш Искупитель хочет, чтобы огонь, зажжённый Им, ярко горел в нас, чтобы он рвался вверх, струился пламенем, разбрасывая искры. И мы, кто причисляет себя к славе Божьей, не должны стоять в стороне и воздерживаться от миссионерского труда. Участие в миссионерской деятельности – признак того, что ты любишь Господа, а кто от неё воздерживается, вряд ли может причис-

лить себя к любящим Его. Он любит Его ещё недостаточно. А кто Господа не любит или не очень любит, тому приходится туго, дела его плохи, тот просто-напросто несчастлив. И вообще! Как много ещё нужно сделать, чтобы повсюду горел огонь, который Христос пришёл зажечь на земле! На земле живёт примерно 1 400 000 000 душ, из этих 1 400 000 000 только 400 000 000 – христиане, в которых зажжён огонь Иисуса, который горит или мог бы гореть, а остальные 1 000 000 000 ещё язычники, магометане и иудеи, в которых не может гореть огонь Иисуса Христа, потому что они Его ещё не знают, ничего или слишком мало о Нём слышали. Но пусть никто не думает, что большое число тех, в ком ещё не горит святой огонь Иисуса, и не должно быть охвачено этим огнём. Нет! Тогда словам Бога: „Огонь пришёл Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!“ – был бы самовольно поставлен предел. Иисус Христос хочет зажечь Свой огонь на всей земле. Он имеет в виду всю землю, а не часть её, когда говорит: „Огонь пришёл Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!“ Всё человечество – все потомки Адама, все народы – большие и маленькие, белые и чёрные, цветные и жёлтые – все должны быть зажжены Его огнём, всех Он хочет искупить ценой Своих страданий. А чтобы это могло исполниться, искры должны лететь оттуда, где огонь уже горит, туда, где он ещё не зажжён. К нехристианским народам должны отправиться миссионеры. Миссионерство должно поставить

своей целью распространение огня Иисуса на всей земле, среди всех народов, больших и маленьких. Работа в миссии во славу Божью не пройдёт бесследно. Она достигнет той цели, которую должна достичь, а именно: огонь Иисуса Христа разгорится на всей земле ... .“ Диркс закончил свою миссионерскую проповедь известной миссионерской песней, сопровождавшей, очевидно, и Мартына Тильмана во все годы его работы:

Жизнь лишь одна дана нам в этом мире,
И быстро эта жизнь течёт к концу;
Жизнь лишь одна, чтоб славить ею Бога
И на служенье всё отдать Творцу!
То, что Он дал, Ему пусть возвратится,
Силы и время, сердце всё вполне,
О мой Господь, жизнь за меня отдавший,
Как не отдать мне жизнь мою Тебе!

Припев:
Жизнь лишь одна – как быстро пролетит!
Лишь то, что Божье, вечно устоит.

Жизнь лишь одна, зачем стоите праздно?
Слышите глас: зовёт Учитель вас;
Тысячи благости Его не знают,
Тысячи молят: „Пожалейте нас“.
Вставайте все, вставайте на работу,
Скоро минует краткий день труда,
Вставай и ты, проживший жизнь напрасно, –
Как постоишь пред Богом в день суда?

Жизнь лишь одна, – Тебе её вручаю,
Пошли меня – Тебе, Господь, скажу:
Весть о спасенье братьям понесу я,
На кровь Твою святую укажу.
Всё, всё возьми, Господь мой, на служенье –
Лишь бы других от гибели спасти,
Одобришь Ты, в том вся моя награда,
В радость Твою на небе дашь войти.

Трудно представить, чтобы такие проповеди не трогали духовно открытого Мартына.

Наряду с Дирксом и Гнаденфельдским миссионерским объединением большое влияние на Мартына Тильмана оказала миссионерская работа меннонитской братской общины. То обстоятельство, что Рудольф Бон в 1908 году, направляясь в область своего миссионерства, совершил специальное путешествие к Аврааму Фризену, которого миссионерские „Ведомости“ Виденеста называли „духовным ректором МВ-миссии Индии“, говорит о том, что Мартын ему кое-что рассказал об этом человеке. Можно предположить, что и сам он был тесно связан с Фризеном и меннонитскими братскими общинами в Индии.

Эта работа началась в 1889 году, когда в Индию отправились Авраам и Мария Фризен. Незадолго до этого Фризены закончили семинарию немецких баптистов в Гамбург-Хорне, где они наладили связь с американским миссионерским обществом „Америкэн Бэптист Миссионэри Юнион“ с центром в Бостоне. Это миссионерское предприятие высоко ценило деятельность А. и М. Фризен

как работу братской общины меннонитов и предоставило им полную свободу в выборе места действия. Миссионерская работа братской общины меннонитов в Индии вскоре удивила всех своими результатами. Восемь лет спустя, во время поездки на родину через Россию, Фризен рассказывал, что более 700 жителей Нальгонды приняли крещение. Работа там была хорошо организована. Были открыты: центральный Молитвенный дом, две школы, небольшая больница, приобретён жилой дом для миссионеров. В двадцати филиалах интенсивно создавались общины, в которых работали преимущественно местные жители-телугу. Фризен рассказывает, что в 1910 году миссия в Нальгонде насчитывала 117 местных сотрудников: это были руководители общин, проповедники, учителя и женщины, проводившие библейские часы. Общее число членов общины составляло 3 000 человек.

После четырнадцати лет миссионерской работы в Индии, Авраам Фризен был вынужден, по состоянию здоровья, вернуться в Россию. Он посетил многие общины, призывая их к миссионерской деятельности. „Миссионерство и настрой общин на спасение других – является признаком духовной жизни и духовного роста," – считал он.

Мартын Тильман был, вероятно, хорошо знаком с Фризеном и поддерживал с ним тесную связь. Имеющиеся у меня документы не дают более точной информации об этом. Но даже если Фризен и Тильман не были лично знакомы, мен-

нонитские братские общины в то время были в таком миссионерском воодушевлении, какого не наблюдалось до работы Фризена и его сотрудников.

Всё это вместе взятое и составляло ту духовную атмосферу, в которой складывался и возрастал Мартын. Но, несмотря на такой духовный потенциал, Мартын в продолжение всех школьных лет держался от веры на определённой дистанции. Может быть, причина заключалась в том, что в родительском доме мало интересовались положением дел в Гнаденфельдской общине? Возможно. Но я думаю, что скорее всего, на Мартына оказало влияние то множество разделений, которые, одно за другим последовали в Гнаденфельдской общине во второй половине девятнадцатого столетия. Отделения „братьев“в 1860 году и „церковников“ в 1863 от Гнаденфельдской общины оставили в семьях глубокие следы. Очевидно поэтому в своём последующем служении Мартын всегда стремился к единству среди братьев.

Обращение и бракосочетание

Мартын закончил курс педагогического обучения в Галбштадте и вскоре приступил к работе учителя в селе Петровка, Херсонской области. Прибывшие сюда безземельные меннониты основали это село лишь несколько лет тому назад. В селе была братская меннонитская община, образовавшаяся не по причине разделения, а за счет

вновьприбывших. Таким образом, мешавшие до сих пор догматические споры между различными группами о правильности веры, отпали. Здесь и Мартын пришёл к вере в Иисуса Христа. О его обращении и последующем служении в этой общине, к сожалению, мало известно. Надо думать, что, будучи учителем, Мартын вскоре начал проповедовать.

К радостному событию обращения вскоре добавилось ещё одно. Очевидно, во время одного из миссионерских праздников Мартын познакомился с совсем ещё юной сестрой по вере, Анной, бывшей членом меннонитской братской общины в Николайполе. Ему исполнилось 23 года, и он начинал серьёзно подумывать о создании семьи. Со встречей с Анной этот вопрос был решён. По прошествии нескольких месяцев после их встречи, осенью 1893 года Мартын посетил родителей Анны, чету Шнайдер из Николайполя, прося руки их 19-летней дочери. Всего полтора года тому назад решилась Анна на жизнь с Иисусом Христом и в том же году 29 сентября 1892 года приняла водное крещение и вошла в состав меннонитской братской общины Николайполя. Их бракосочетание состоялось 23 января 1894 года.

Молодые поселились в селе Петровка, где Мартын работал школьным учителем. Кроме того, оба были активны в работе меннонитской братской общины. Подробности, однако, до нас не дошли, но по более поздним сведениям можно сделать вывод, что Мартын много занимался в своей общине вопросами миссионерства. Он уже

вскоре вступил в контакт с движением „Альянс“, возглавляемым немецким миссионером, доктором Бедеккером, работавшим в тюрьмах. Эта связь пробудила в Мартыне желание продолжить своё духовное образование.

Счастливая и насыщенная радостными событиями жизнь молодожёнов продолжалась недолго. Всё снова и снова чёрные тучи своими крыльями касались их семейного счастья.

И прибыли в Мерру

„Мерра, Мерра, как горьки твои воды! С какой радостью я миновал бы тебя!“ Этими словами из Второй книги Моисеевой 15,23 начал Мартын Тильман своё краткое сообщение об ударах судьбы, постигших его семью в период между бракосочетанием и смертью его жены. Он называет этот период „станция Мерра“.

Вначале одна за другой умерли их первые три дочери. Тильман пишет об этом: „Это были горькие „станции Мерра“, но мы пережили их вместе с моей любимой женой.“ Анна снова забеременела и родила одного за другим двух здоровых мальчиков, Мартына и Якова. Казалось, жизнь налаживается. В конце концов и родителей Мартына постигла та же участь: они тоже похоронили своих трёх первых детей. Мартын ещё хорошо помнил, как умер его брат Яков. А теперь вот он хоронил своих собственных детей. К этому добавились несчастья в семье родителей: 8 сентября

1897 года умерла сестра Мария, которая была на три года старше его, а 25 сентября 189? умерла предпоследняя сестра Зара. Так ему пришлось переживать не только собственное горе, но и, будучи старшим сыном, утешать своих родителей.

Как и тогда в родительской семье, так и теперь рождение сына-первенца казалось поворотным событием в семье. Как и его родители, Мартын и Анна назвали его в честь отца – Мартыном. Меньше, чем через два года родился второй сын. Они назвали его Яковом, в честь так рано умершего брата Мартына. Надежда и мужество снова возвратились в маленький учительский домик в Петровке.

Но вдруг Мартына постигло возможно самое тяжёлое несчастье его жизни. Во время очередной беременности Анна, его горячо любимая жена, заболела туберкулёзом лёгких. Началась, порой казавшаяся безнадёжной, борьба за её жизнь. Так как врачи отчаялись чем-либо помочь, на помощь была призвана домашняя медицина. Кому-то из соседей был знаком рецепт чая, настоянного на травах и обладающего целебными свойствами. И действительно, здоровье Анны пошло на улучшение. Приступы слабости становились всё реже, и она смогла сравнительно хорошо перенести свою беременность. 15 февраля родилась крепенькая, здоровая дочка. Счастливая мама вскоре почувствовала себя достаточно сильной, чтобы встать с постели, и казалось, что она снова совершенно здорова. Но случилось иначе. Во время Пасхи возвратились старые

симптомы болезни, и здоровье стало быстро ухудшаться. 14 июня в 11часов, после десяти лет совместной супружеской жизни Анна умерла. Она ушла домой с миром, готовая встретиться с Господом, Которому она служила. Её похоронили 17 июня на кладбище в Петровке.

Мартын был подготовлен к потере своей любимой жены. Год спустя он вспоминает, как чудно Бог подготовил его и Анну к разлуке, и пишет: „Я заметил, что и в нашем горьком случае Он нашёл способ сделать конец сладким. Он делал это многократно и различными способами. Самым главным было то, что Он дал нашей любимой больной желание покинуть эту землю, чтобы обрести небесную родину. Молодая жизнь сопротивлялась смерти. Оставить жизнь, полную надежд – как это больно! Видеть свою любимую жену в таком состоянии и не иметь сил помочь ей – больно терзало моё сердце. Я обращался со своей болью к Тому, Кто может и хочет помочь. Бог, умеющий помогать, помог и здесь.

Был вечер. Я сидел у постели больной и просил Бога услышать мою молитву. Вдруг слышу: под окном собираются петь. Певцов словно Господь послал. Зазвучали песни, зовущие к небесной высоте. Многие из них сопровождались игрой на виолончели. Так Господь благословляет через пение и музыку. Какое это имело сильное влияние! В сердце больной поселилась горячая тоска по той, воспетой небесной стране. Буря прошла, мир и покой поселились в её сердце. С этих пор она любила повторять стих: „Ибо ду-

маю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас“ (Посл. к Римлянам 8, 18). Теперь она спокойно говорила, что идёт без страха по долине смертной тени. Она с радостным лицом славила то, что её ожидает. Начиная с этого вечера, она жила для иного мира. Это был для меня незабываемый вечер. Я славил Бога за то, что Он показал нам Своё Величие. Уста, твердившие одно: „Господи, верни мне здоровье!“ — теперь с тоской повторяли: „Я хочу домой! Бог мой Иисус, приди за мной скорее!“ Как величественно! Дух Божий мощно работал и в моём сердце. Теперь была очередь за мной — излиться в слезах покаяния и радости. Ведомые Святым Духом, мы изливали друг другу свои переполненные сердца. Под впечатлением, что она скоро умрёт, мы сделали этот вечер нашим вечером прощания, хотя смерть наступила много недель спустя. Так Господь явил Своё мастерство: горькое делать сладким. Слава Ему!“

Так Анна и Мартын были подготовлены к разлуке, и в оставшиеся до смерти недели маленький домик Тильманов превратился в центр особых встреч. Как родственники, так и члены меннонитской братской общины постоянно принимали участие во всём, что происходило в семье. С благодарным сердцем вспоминает Мартын участие своей тещи, до последней минуты находившейся у постели своей дочери. Временами казалось, что домик Тильманов стал местом непрекращающейся молитвы. Мартын пишет:

„Большое служение несли участники местного хора. Их пение было настоящим лекарством моей любимой жене ...“ Певцы действительно старались сделать всё возможное. Многие, наиболее удачно подобранные песни заставляли больную забыть о болезни и перенестись духом в желаемую небесную родину.

14 июня Анна умерла. Тяжело переживая события последних недель, смотрел Мартын Тильман в неизвестное будущее. Было гораздо больше вопросов, чем ответов, но одно было ясно – его жизнь должна в корне измениться. Бог, Который в столь утешительной форме забрал у него супругу, Этот Бог будет о нём заботиться – и больше того, он, Мартын Тильман, хотел служить Этому Богу. Во время всех тяжких страданий Бог говорил к нему особым образом. Это был зов – полностью отдать себя на служение Богу, уйти в миссионерство. Нет, Мартын не знал, куда и как, но он явно слышал Его призыв. Он это твёрдо знал, он это чувствовал.

Месяцем позже, 14 июля умерла и его младшая дочь. У него остались два сына и чувство через смерть жены посетившего его призвания: полностью отдать себя на служение Богу. Не раз он обсуждал с близкими и братьями по общине своё назначение. Среди доверенных лиц были и родители его жены, супруги Шнайдер. Они ободряли его, советуя готовиться к духовному служению. Заботы об оставшихся детях они обещали взять на себя.

Спустя короткое время после смерти жены и

дочери Мартын покинул свою родину и отправился в Германию, в Берлин. Оба его сына остались в семье родителей жены в Николайполе. Для Мартына началась последняя фаза подготовки для служения в миссии.

Глава 2

В обучении на скамье Божьей

В библейской школе Берлина

Библейской школе „Альянс“ в Берлине, в которую обратился Тильман, был всего один год от роду. Она была открыта специально для обучения братьев из России. Говоря о мотивах основания библейской школы в Берлине, в одной статье „Ведомостей“ от 1921 года, издававшихся библейской школой Виденеста, писалось: „После того, как доктор Бедеккер рассказал в своём выступлении о штундистах, и после того, как в период русской революции 1904-1905 годов связь между русскими и немецкими христианами оживилась, многие из ведущих братьев немецких общин признали возложенной на них Богом обязанностью взять российских братьев на своё попечение. В условиях необычайно быстрого духовного пробуждения, охватывавшего всё новые области вокруг, недоставало подготовленных братьев, которые в достаточной степени владели бы знанием Слова, чтобы не только в ясной форме проповедовать Евангелие, но и опираясь на библейский текст, предостеречь верующих от губительного влияния большого количества лжеучителей, проникавших сюда из чужих земель, чтобы воспользоваться религиозными поисками живших в России народов. Именно это послужило причиной открытия в 1905 году в Берлине библейской школы. Она должна была предоставить прежде всего братьям штундистского движения России возможность основательной, соответствующей подготовки, которую невозможно было

получить в России. Так библейская школа в течение 16 лет скромно и незаметно выполняла работу, имевшую для евангельского движения значение необыкновенной важности. Около 80 российских братьев воспользовались возможностью получения образования в библейской школе; 7 из них и сейчас в Виденесте готовятся к служению в России. Кроме русских, многие немецкие братья посвящают себя работе в России."

Хр. Келер, один из первых библейских учителей, в 1915 году указывал на то, что инициатива открытия школы исходила не из Германии. Он пишет: „Нужно признаться, что не сами немецкие верующие пришли к убеждению о необходимости оказания помощи русским братьям. Наоборот, однажды здесь появились братья, искавшие помощи у немецких верующих и просившие принять их на учёбу. Среди братьев, принявших их, были: директор миссии Машер, доктор Бедеккер, генерал фон Вибан. Так была открыта библейская школа. А Герман Янтцен говорит, что эти „русские братья" были из Молочны и скорее всего были меннонитами.

Российские студенты прибывали из общин русских штундистов, баптистов, немецких меннонитов и меннонитских братств, а также иудейских христианских общин. Учителя видели свою задачу в том, чтобы дать образование немцам с востока, и прежде всего из России. В большой статье „Ведомостей" Виденеста от 1920 года Иоганнес Варнс сообщает, что библейская школа́ считала своим особым заданием обеспечение

зарубежных немцев духовной пищей. Он пишет: „Имея священную обязанность вести миссионерскую работу среди всех народов, мы, без сомнения, обязаны в первую очередь работать среди людей нашего народа, среди братьев по крови ... этой цели служит наша библейская школа.“ Варнс указывает на то, что со второго года существования библейской школы (1906) в ней училось особенно много студентов-немцев из зарубежья. Больше половины российских студентов были немцами. И большая часть этих братьев были из меннонитских поселений России и Центральной Азии. Варнс рассказывает, что помимо духовного воспитания иностранные студенты совершенствовали своё знание немецкого языка, так как „знание родного языка в определённой степени необходимо не только для общественного служения, но и для понимания Библии.“

При таких условиях не было ничего удивительного, что приехавший издалека Тильман был без проблем принят на обучение. К тому же, он прибыл из Молочна-колонии, из меннонитских немецких поселений, способствовавших открытию библейской школы. Он был учителем по профессии и хорошо владел немецким языком. Надо полагать, что приезду Тильмана в Берлин немало способствовали советы ответственных братьев, известных своим опытом в духовной работе. В одном из проспектов школы 1905 года говорится о следущих условиях приёма: „Мы ожидаем от абитуриента:

1. чтобы он был искренне-обращённым,
2. имел достаточные доказательства принадлежности к христианству,
3. обладал способностями для особого служения в Слове,
4. уже как-то проявил себя в работе на ниве Божьей.“

По всем этим пунктам Мартын, должно быть, не имел проблем. Он был принят, и осенью 1906 года начался его первый учебный семестр. Совсем ещё молодая школа уже предлагала своим студентам полную нагрузку. Помимо библейских предметов, которые состояли из введения в Ветхий и Новый Заветы, изучения Библии и объяснения текста, ещё преподавались всемирная история, история миссионерства, история церкви и ведение миссионерского служения. Для братьев, приехавших из России, дополнительно читались лекции по истории русской церкви и по истории штундизма. Кроме того, велось преподавание иностранных языков: немецкого, английского и французского. Студенты-немцы получали уроки новозаветного греческого и, по желанию, древнееврейского. Сверх того, проводились часы пения и фисгармонии.

Несмотря на такую насыщенность программы, у Мартына Тильмана не было проблем с учением. Он всегда учился с радостью, а сейчас, когда он стоял перед возможностью служить на Божьем поприще, его стремление к знаниям не имело предела. Часто, не принимая участия в различных

развлечениях более молодых, чем он, однокурсников, он уединялся с книгами и своим Господом. И вообще Мартын выделялся в библейской школе спокойствием и самостоятельностью. В свои 35 он не принадлежал к младшим студентам школы. Жизнь, полная трудностей и испытаний, научила его быть осмотрительным. Он не был смельчаком и сорви-головой, как многие. Он ни о чём не говорил скоропалительно и необдуманно. Уверенно и сосредоточенно готовился он к своей профессии. Убедившись в чём-либо однажды, он твёрдо стоял на этом. Его отличали, прежде всего, верность и постоянство.

Однокурсник Тильмана Рудольф Бон, бывший на десять лет его моложе, вспоминает прежде всего об отношении Мартына к молитве. Он пишет: „Как часто ранним утром – зимой и летом – слышал я за стеной моей комнаты, в чулане, его громкую молитву.“ Часто его молитва выказывала, что он наделен даром душепопечительства, обнаруживая его „священническое сердце проповедника.“ Он молился о жизни меннонитов в России, о своих детях и учащихся своей школы, где он раньше работал. Особенно близка его сердцу была миссионерская работа среди меннонитов Ост-Индии, на островах Ява и Суматра, а также евангелизация России. Сообщения Е. Г. Бродбентса, регулярно посещавшего библейскую школу, и его рассказы о нуждах малоизвестных народов огромной Российской империи падали на благодатную почву.

В продолжение 1906 года Франц Бартч, менно-

Учащиеся и учителя библейской школы „Альянс“ в Берлине. 1906 год. Шестой слева направо в верхнем ряду Мартын Тильман.

нитский учитель из Лизандерхёе Самарской губернии, вместе с Вильгельмом Пеннером не раз посещали библейскую школу в Берлине. Бартч принимал участие в выезде хилиастически (хилиазм – учение о тысячелетнем Царстве Христа на земле после пришествия перед концом света) настроенной группы меннонитов вместе с Клаасом Эппом в Туркестан в 1880 году и позже написал об этом книгу. Иоганнес Варнс пишет, что приезд Бартча в Берлин был прежде всего важен для молодых братьев, которые готовились к миссионерству в Центральной Азии. Кто были эти студенты, он не пишет. Но, видимо, прежде всего имелся в виду Корнелиус Кливер, который родился в Вымишле (Польша) и готовился к работе в Хиве, но позже поселился в Ташкенте.

В январе 1907 года Иоганнес Варнс побывал на юге России. Во время посещения меннонитского издательства „Радуга“ в Галбштадте на Молочне ему вручили рукопись Франца Бартча, названную: „Наш выезд в Среднюю Азию“. Варнса даже попросили дать подходящее заглавие этой рукописи. Он взял рукопись с собой в Берлин, и она стала материалом многих лекций для готовящихся миссионеров.

Эту историю знал вероятно и Мартын Тильман. Он безусловно участвовал в беседах с братьями Бартчем и Пеннером и провёл много времени с теми, кто как и они, уже были в составе миссии в Центральной Азии, например с Корнелиусом Кливером.

Нет сомнения – миссия в Туркестане постоян-

но стояла на повестке дня в Берлине. Не могла эта животрепещущая тема обойти и горячо заинтересованного в миссионерстве Мартына. Многие уединённые молитвы посвятил он, должно быть, делам миссии на этом трудном участке.

Мартын тоже всё больше и больше приближался к собственному заданию. Какой путь приготовил Бог ему лично? Куда отправится он после студенчества в Берлине? Может быть это будет Туркестан?

Вопросами такого характера делился Мартын со своими товарищами по школе, которые регулярно встречались для совместной молитвы о своём будущем. И, наконец, решение было принято. Мартын и некоторые его однокурсники решили поехать в Англию, чтобы научиться там прежде всего английскому языку, который для многих мест миссионерского мира был жизненно необходим. Перед его глазами, очевидно, стояло поле деятельности среди меннонитов Индии, где знание английского было обязательным.

В миссионерской школе Лондона

Летом 1907 года Тильман и Бон отправились в Лондон, для изучения английского у брата Гантингтона Стоуна в библейской школе. Наряду с изучением английского языка, на котором Тильман вскоре говорил довольно хорошо, берлинские выпускники (кроме Бона и Тильмана, это были Фольрат, Виганд и Габлютцель) проводили

много времени за молитвой о всемирном миссионерстве и их собственном призвании. Однажды во время такой молитвы Тильман и Бон поняли, что их место миссионерской работы – Туркестан. Бон пишет об этом: „Нельзя было не понять, что Господь вложил в наши сердца особенную землю, а именно: русский Туркестан. Нам стало ясно, что Господь зовёт нас в этот, ещё совершенно не изведанный, пустынный край, в самое сердце Азии для работы среди племён магометан.“

Бон ни словом не обмолвился о том, как это практически случилось, что обеим студентам открылся вид на Туркестан. Уже в Берлине о Туркестане молились почти каждый день. Возможно, сообщение о том, что семья Тильманов избрала местом жительства этот край и переехала в Аулие-Ата, усилило его желание. Брат Мартына, Давид Тильман, живший в Онтарио, называет Аулие-Ата своим родным домом, что наталкивает на мысль о переселении его семьи в Туркестан. Молитва духовных братьев за благополучную жизнь родителей сочеталась теперь с молитвой за успех миссии в этом районе. Но решающее значение имела, скорее всего, либо встреча братьев с Е.Г. Бродбендтом, секретарём британского миссионерского общества, либо сообщение в журнале „Эхос оф Сервис“ о его путешествии. Рудольф Бон пишет, что группа немецких братьев однажды обратилась к Бродбендту с просьбой, дать им больше информации об этом районе: „Через брата Е. Г. Бродбента, который уже раньше посещал эти районы и рассказывал нам о нуждах и делах

тамошних общин, а также о способе и образе действий, как лучше найти подход и склонить на свою сторону живущие там племена магометан, мы познакомились с меннонитами, жившими там уже на протяжении тридцати лет.“

Бродбендт посетил Туркестан в 1908 году. Тогда же он побывал и в меннонитских селениях вокруг Аулие-Ата. Согласно своим правилам, он посетил местные общины меннонитов, чтобы осуществить задачи миссии: „завоевать“ ещё не знающих Евангелия сартов и киргизов. Бог сотворил чудо, и меннониты решили начать эту работу, при оказании им помощи из Европы. После продолжительных обсуждений был создан комитет, состоявший из восьми братьев двух меннонитских общин.

Кроме того, общины решили послать в Европу одного из братьев для миссионерской подготовки и решения дальнейших практических шагов. Этот брат, Вильгельм Пеннер, в сопровождении брата Франца Бартча за два года до этого уже посетил библейскую школу в Берлине, изучив ее миссионерские возможности. 18 мая 1908 года они покинули селение Талас, направляясь в Германию.

Запрос выпускников Берлинской библейской школы, таким образом, был своевременным. Бог снова всё разрешил чудесным образом, Его планы были основательными и точными. Это признали все участники предприятия. Теперь началась интенсивная подготовка для выполнения миссионерского задания в Туркестане. Согласно

совету Бродбендта, Тильман, помимо изучения языка, начал освоение основ медицины. Оба будущих миссионера стремились ближе узнать друг друга, что привело к дружбе. „Во время нашей подготовки к работе мы внутренне настолько привязались друг ко другу, что с этого времени стали неразлучны.“ Бон указывает на то, что их тесная дружба многим обязана отцовскому отношению к нему Мартына Тильмана. Он пишет: „Брат Тильман всегда отличался большим спокойствием и основательностью. Так как он был на десять лет старше нас, он часто относился к нам по-отцовски.“ Таким образом, Бон косвенно признает ведущую роль Тильмана в их совместном служении.

Во время подготовки к служению миссионеры обговаривали и вопрос своего личного обеспечения. Позднее Тильман сообщает об этом:

„Будучи ещё в школе в Гринвиче, мы часто и много говорили о предстоящей работе в Туркестане. Эти разговоры касались также вопросов обеспечения нашей личной жизни. Мы рассуждали так: если Господь, Которому мы отдаём себя на служение, посылает нас туда, Он конечно позаботится о минимальном (мы имели в виду материальное обеспечение), так как Он имел намерение совершить великое (обращение магометан).“

Закончив курс обучения языку и другие подготовительные работы, осенью 1908 года Тильман и Бон покинули Англию, имея своей целью Туркестан. Они сознательно отдали себя в руки Божьи.

Он их звал, Он о них и позаботится. Пятнадцать лет спустя Бон пишет об этом: „Мы отправились, так сказать, без ничего, без сумы. И если я теперь, через пятнадцать лет, оглядываюсь на это время, то могу только удивляться той мужественной вере, которой Бог вооружил меня и дорогого брата Тильмана: имея совсем небольшую сумму денег, что была в нашем личном распоряжении, мы начали путь длиной в 5 000-6 000 километров в азиатские степи и пустыни, не зная наперёд, что нас там ожидает и кто о нас позаботится. Но это был путь веры и им можно идти, даже когда ничего впереди не видно.“

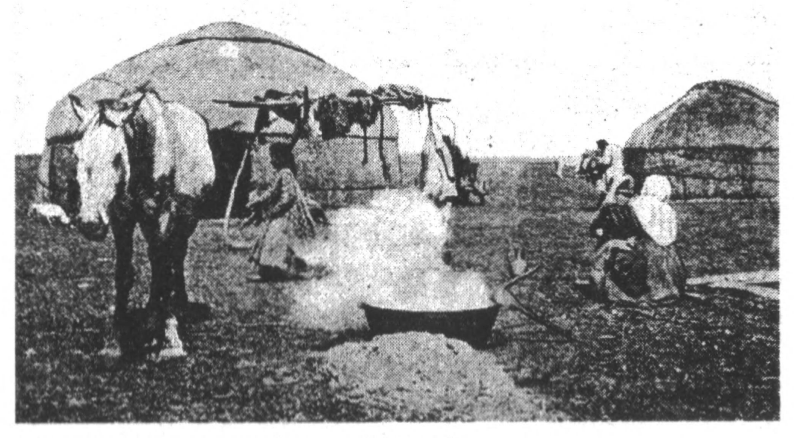
Глава 3

Задание

Миссионерское поле деятельности – Туркестан

Туркестан, миссионерская цель Мартына Тильмана, охватывал русскую часть Центральной Азии и находился на сороковом градусе восточной широты, обрамлённый Тянь-Шаньскими горами с юга и востока и большими казахскими степями на севере, на западе простиралась пустыня Кара-Кум. Это была и есть захватывающая, очаровательная местность, в которой природа дарит почти всё, что дано человеку видеть на земле. Большинство населения Туркестана в начале этого столетия составляли сарты, казахи и киргизы, хотя миссионерские отчёты и доклады того времени не всегда чётко различают, какой народ в конечном счёте имеется в виду. Тильман и Бон считали себя мобилизованными прежде всего для работы с киргизами, одним из кочевых племён восточного Туркестана. В докладах миссии того времени киргизы отличались от сартов, которых в наше время, очевидно, называют узбеками. Под киргизами понимались тогда казахи, в большинстве жившие в западных и северных степях Туркестана, и кара-киргизы, которые селились в юго-восточных предгорьях и которых и сейчас называют киргизами. Ф. Бартч так описывает повседневную жизнь кочевников-киргизов: „Киргизы живут в юртах. Это передвижная палатка, легко транспортируемая, круглая по форме, с куполообразной крышей. Скелет такой палатки состоит из деревянной решётки, построенной из

скрещенных и скреплённых тонких стволов, который можно складывать и снова раздвигать. Стены палатки состоят из нескольких таких решёток, которые скрепляются между собой и прикрепляются к дверной основе. Сверху находятся четыре дуги, составляющие сегмент в четверть окружности и скрепляемые на верхушке кольцом. Стены покрываются камышом и тростником, связанными в снопики толстыми шерстяными нитками, а в холодное время года палатка покрывается кошмой, одеялами из шерсти. Крыша также покрывается колпаком из кошмы ... Вокруг по стенам висят упряжь, на земле стоят сёдла для верблюдов, немного поодаль висит шкура с кумысом, а в центре висит большой железный котёл для приготовления пищи. Киргизские еда и питьё очень просты. Их любимая пища – мясо, которое они получают в достаточном количестве от своих стад. Где режут животное, там обычно собирается весь аул."

Типичный киргизский аул в 1910 году.

Итак, киргизы были кочевниками. Их повседневная жизнь в корне отличалась от образа жизни миссионеров из Берлина. Чтобы успешно вести евангелизацию, нужна была продуманная стратегия. Много было молитв о том, чтобы найти нужный ключик к местному населению. Наконец, после разговора с Бродбентом, братьям стало ясно, как нужно начинать работу.

Исходный пункт – меннониты Центральной Азии

Миссионерский стратег Бродбент, совершая свои путешествия по Туркестану, вскоре понял особенности этой местности. Здесь, в мусульманском крае, куда ещё не проникали слухи о Евангелии, он обнаружил меннонитские поселения. Тридцать лет тому назад меннониты совершили сюда путь, полный приключений. Это были верующие люди, но им была чужда всякая мысль о миссионерстве среди местного мусульманского населения. На этих людей он рассчитывал. Своё намерение он довёл прежде всего до сведения Берлинской библейской школы. Это предложение было принято, и тогда же началась систематическая подготовка меннонитов для работы в Туркестане. В одном из документов школы от 1909 года мы читаем: „Чудны пути Господни, которые многие годы тому назад привели наших братьев и сестёр в Хиву и в Аулие-Ата и которые открыли возможность работы среди иноязычного

населения ... Зачем наш Господь поселил немецких братьев и сестёр прямо среди магометан Центральной Азии? Безусловно потому, что Он имел определённые планы с народом, который, живя в такой чудесной земле, прозябает в темноте. Здесь предоставляется необыкновенная возможность начать миссионерскую работу среди магометан. Прибывающим сюда миссионерам не нужно в этом, совершенно не знакомом им крае, с большим старанием и в нужде начинать изучение привычек и традиций местного населения. Эта основополагающая работа уже выполнена живущими там меннонитами.

Бродбент впервые посетил Таласскую колонию в 1908 году, скорее всего по совету Якова Креккера из Вернигероде, незадолго до этого побывавшего в этих меннонитских сёлах с Яковом Раймером из Рюккенау, юга России. Герман Янтцен так описывает этот первый визит Бродбента: „Немного позже к нам прибыл некий мистер Бродбент, большой друг миссионеров из Англии. Он обратил внимание на то, что в огромном магометанском Туркестане не проводится никакой миссионерской работы, хотя здесь существует много христианских общин, в которых, безусловно, имеются дети Божьи. И вот он приехал, чтобы основать здесь магометанскую миссию. Для этого ему, естественно, нужны были подходящие миссионеры. Он надеялся отыскать их в близлежащих сёлах. Много раз он вербовал братьев в обоих церквах, но безуспешно.“

Многие люди указывали Бродбенту на главно-

го лесничего Янтцена, который отвернулся от своей меннонитской веры и который, благодаря своему подвижному образу жизни, свободно говорил на многих языках местного населения. Но и этот наотрез отказался. Как утверждал Янтцен, Бродбент покинул Туркестан, ничего не добившись. Бродбент же оценивал своё путешествие весьма положительно. После долгих обсуждений был создан миссионерский комитет из трёх братьев, которые представляли обе меннонитские общины. В одной статье в „Эхос оф сервис" говорится: „Три брата, представлявшие обе группы, должны были следить за выполнением миссионерского проекта, получать и отправлять корреспонденцию об использовании средств. Было также решено построить маленький, доступный для киргизов госпиталь, чтобы и они могли получить здесь необходимую медицинскую помощь. Один из братьев пожертвует своим участком, а другие помогут возвести на нём строение."

Бродбент не только возбудил у колонистов интерес к миссии, но даже взял с собой в Европу В. Пеннера, учителя местной школы, с целью подготовки его для будущей служения и для поисков европейской поддержки.

Бродбент привёз Пеннера в Берлин. Здесь уже активно молились за Туркестан. В 1908 году первый выпускник Берлинской библейской школы, польский меннонит Корнелиус Кливер, отправился в Хиву и позже поселился в Ташкенте, где он и трудился до 1929 года. Его дом в Ташкенте на Торговой улице №1 был для большинства после-

дующих миссионеров первым местом пребывания в Туркестане. Через этот адрес и Берлинская библейская школа поддерживала контакт со своими прежними учениками.

Сюда, к меннонитам должны были отправиться Тильман и Бон. Их целью были меннонитские поселения вблизи города Аулие-Ата. Отсюда, согласно плану, должно было пропопведываться киргизам Евангелие. Другие миссионеры должны были прибыть сюда, как только будет построена миссионерская станция в киргизских горах. Бродбент возлагал большие надежды на Авраама Янцена, происходившего из Туркестанской колонии, который учился в то время в Берлине и позже должен был присоединиться к миссионерской группе в Туркестане. Выпускники Берлинской школы Гербольт, Фольрат и позднее Пауль Бер тоже готовились к выезду. Миссионерский стратег Бродбент, давший меннонитам Таласа обещание вскоре послать помощь из Европы, сдержал своё слово.

На пути в Николайполь

Мартын Тильман и Рудольф Бон покинули Англию, направив свой путь в меннонитские поселения на юге России. Прежде всего в их планы входило информирование тамошних общин о положении дел и о полученном ими задании, ну и конечно же, Мартыну очень хотелось повидать свою семью. Бон пишет об этом: „По совету стар-

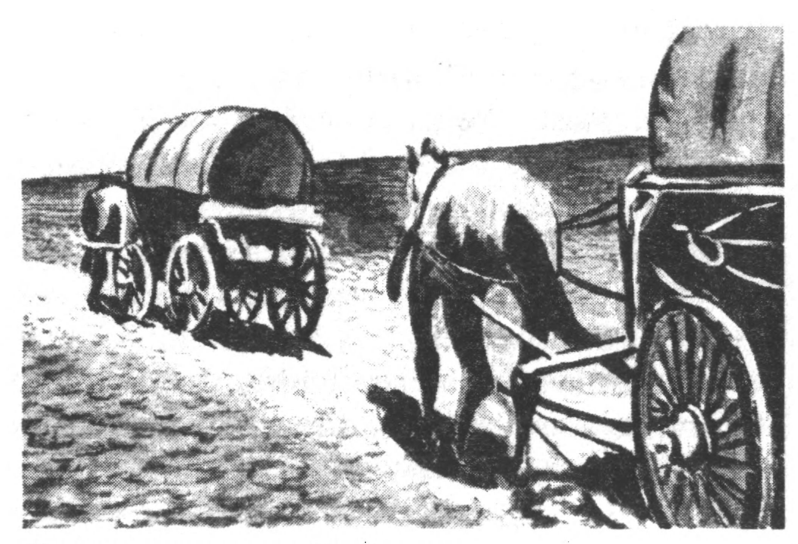
ших братьев на юге России, мы задержались там дольше, чем предполагали, так как должны были ближе познакомиться с ними, а они с нами и с вновь начинаемым делом.“ С этой целью они посетили ряд миссионерских конференций, прежде всего в Апалее (Гнаденфельд) и Бердянске. На одной из конференций они встретились с братом Келером из Берлина и с другими однокурсниками из библейской школы, что принесло братьям большую радость. Рудольф Бон также рассказывает о встрече со старым миссионером Индии, Авраамом Фризеном, которого он навестил в Миллерово.

Наступило 15 ноября 1908 года. Тильман и Бон сели в поезд в Яковлево с конечной целью – Ташкент. Это было долгое и утомительное путешествие. Одиннадцать дней они были в пути. Бон пишет: „Мы ехали дальше по направлению на юго-восток. Климат заметно изменился. Снега становилось всё меньше. Местность всё больше напоминала Ближний и Средний Восток. В беспредельных степях то и дело встречались пасущиеся верблюды, под конец это были целые стада. Изменилось и наше общество по купе. Теперь это были киргизы, сарты, татары и другие народности. Мы приближались к нашей цели – Туркестану. Город с таким названием, с большим и красивым вокзалом, уже остался позади. Вдоль железнодорожного полотна через степи тянулись большие караваны тяжело нагруженных верблюдов. Я смотрел в окно вагона и любовался природой Востока. И вдруг мой взгляд пленил удиви-

тельно прекрасный вид, захвативший всё моё внимание. Вдали, вдоль горизонта, тянулись вершины высоких, покрытых снегом, гор. Если видишь их впервые, то это потрясающее зрелище, от которого невозможно оторвать глаз.“

Пока Рудольф Бон наслаждался мелькающими за окнами поезда видами ландшафта Российской империи, Тильман пытался познакомить своих русских попутчиков с Евангелием. Он говорил с людьми, раздавал трактаты и вскоре обратил этим на себя внимание ехавших с ними полицейских. Революция 1905 года ещё напоминала о себе, и поэтому каждый поезд сопровождал эскорт жандармов. В Пензе, городе средней России, внезапно появилась полиция и потребовала, чтобы оба миссионера срочно покинули поезд, и, взяв свои вещи, прошли вместе с ними в помещение вокзала. Как выяснилось позже, два попутчика-еврея заподозрили обоих христиан в пропаганде революции. После строгого допроса их всё-таки отпустили. Они сели в поезд и поехали дальше.

Вечером 26 ноября братья прибыли в Ташкент. Они вышли из поезда и наняли подводу, одну из тех двухколёсных тачанок, которые встречаются только в Центральной Азии и называются „арба“. Братья решили переночевать в одном из многочисленных караван-сараев города в надежде встретить там немцев, с которыми они могли бы ехать дальше, в Таласскую долину, чтобы отыскать, таким образом, меннонитскую колонию. Кроме того, им нужно было ещё уладить кое-какие дела в городе.

Повозки меннонитов в Туркестане.

В последующие дни Мартын Тильман отыскал губернатора Туркестана, графа фон Палена, немца по происхождению, чтобы получить от него официальное разрешение на христианское миссионерство среди магометан. Хотя фон Пален и встретился с миссионерами, но в разрешении им было наотрез отказано. Он также не соглашался выдать Рудольфу Бону соответствующие документы на постоянное место жительства в Российской империи.

Такое отрицательное отношение к ним властей на какое-то время привело братьев в замешательство. Они покинули губернатора и решили сначала оглядеться в Ташкенте, навестив затем книгоношу библейского магазина Корнелиуса Кливера. Бон так описывает свои первые впечатления о Ташкенте: „Везде встречаются открытые базары

и лавочки. Магометане сидят или лежат перед своими домами на половичках или коврах. Почти каждый житель, будь то мужчина, женщина или ребёнок умеет ездить верхом – на коне, верблюде или осле.“

У распространителя библейской литературы братья встретили немецких поселенцев из близлежащего лютеранского посёлка Константиновка, радушно пригласивших братьев к себе для проповеди Слова Божьего. Рудольф Бон согласился, покинул Ташкент и поехал с лютеранами. Мартын остался в Ташкенте и проповедывал у русских братьев и сестёр. Многие посетители церкви, готовые к покаянию, пришли к Богу.

Наконец, после нескольких дней пребывания в Ташкенте и в его окрестностях, путешествие, теперь уже в повозке, возобновилось. 15 декабря они достигли цели – меннонитской колонии в Таласской долине, бывшей примерно двух километров шириной и с трёх сторон окруженной горами. Только одна сторона была открыта. Меннониты называли этот пролом „предгорьем“. Здесь, у „предгорья“, гремящая повозка въехала в долину.

Таласское селение

Колония состояла из четырёх сёл: Кёппенталь, Николайполь, Гнаденталь и Гнаденфельд. В 1891 году группа из десяти молодых семей основала еще одно село, которое находилось на семь кило-

метров дальше, и называлось Орлофф. В начале нового столетия село уже насчитывало около 125 жителей. Половина из них были лютеране. Бон описывает селение следующими словами: „Немецкие сёла производят на путешественников очень хорошее впечатление. Через центр проходит ровная, как по струнке, шириной в 20-25 метров главная улица села, засаженная с двух сторон двойными рядами очень красивых высоких тополей. По обоим сторонам улицы течет вода, так как без полива здесь ничего не растёт, и на каждой её стороне, отступив на 10-15 метров, стоят дома, оружённые чудесными, цветущими плодовыми садами. Проезжая летом по этой чудесной аллее, просто невозможно не восхищаться. Дома построены из глины, имеющей свойства большой прочности и потому являющейся хорошим строительным материалом. Немцы здесь занимаются преимущественно выращиванием лошадей и свиней, а также изготовлением сыра и масла, которые затем транспортируются для продажи в Ташкент или в Аулие-Ата."

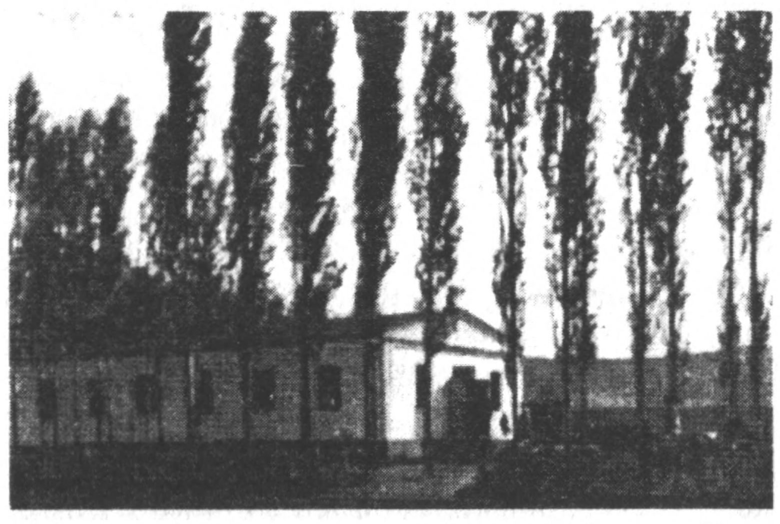
Колония переселенцев в Таласской долине образовалась вследствие так называемого „выездного переселения". Многие из переселенцев раньше жили в Молочна и в колониях Поволжья (Кёппенталер Кирхшпиль). Переселение происходило в 70-80 годы прошлого столетия. Согласно апокалипсическим видениям Юнга-Стиллинга, здесь верили в скорое наступление конца света. Возглавляли это движение Мартин Классен, Клаас Эпп на Волге и Авраам Петерс, быв-

ший школьный учитель в Молочна. В 1873 году Петерс, будучи проповедником, с некоторыми из своих сторонников вышел из Орлоффской Ново-церковной общины и основал самостоятельную общину, назвав её „братской общиной среди меннонитов“, и позже называвшейся „общиной Авраама Петерса“. Его община отличалась от братской меннонитской общины прежде всего свободой в крещении. Верующие здесь сами выбирали, какую форму крещения предпочесть. Крещение уже ранее крещённых не практиковалось. Петерсу вместе с поволжскими братьями „открылось“, что приход антихриста непосредственно близок, и „надёжное место спасения“ для общины Иисуса находится в Центральной Азии. В 1880 году эти „переселенцы“ в составе нескольких семей выехали в Туркестан. Уже в пути началось разделение. Клаас Эпп называл себя „вторым сыном“ после Иисуса Христа. Многие братья сочли, что он зашёл уж слишком далеко. С Эппом осталась небольшая группа его сторонников, отправившаяся с ним в Хиву. Большая же часть переселенцев остановилась в Аулие-Ата в районе Сыр-Дарьи, в двухстах километрах от Ташкента. В 1910 году селение насчитывало около 200 семей, примерно тысячу жителей.

Ко времени начала служения Тильмана христиане колонии делились на три общины: церковную меннонитскую и две братских меннонитских, называясь в сооответствии с населённым пунктам, где находились молитвенные дома: Николайполь и Романовка. Хотя Николайпольская

МБО и относилась к союзному обществу немцев России МБО, но имела, однако, „особую церковную правовую позицию“, по-видимому по причине свободы в выборе формы крещения. По поводу отношений между этими двумя конфессиями Фризен пишет: „Отношения между общинами церковно-сестринские, что, по причине меннонитской сектанской нетерпимости, так наз. furor mennonitikus, явление довольно-таки не частое.“

Тильман и Бон поселились в Николайполе, где один из братьев, по имени Герман Эпп, предоставил в их распоряжение „хорошенькую комнатку“.

Молитвенный дом меннонитской братской общины в Николайполе.

Глава 4

Мотивация общин на миссионерскую деятельность

Мотивы миссионерства

Первым шагом на пути осуществления плана миссионерской работы среди киргизов была мотивация местных общин на этот труд. Е.Г. Бродбент, как уже было сказано, посетил колонию во время своего путешествия по Туркестану в 1907 году, и, говоря с колонистами по поводу ответственности за миссионерство среди мусульман, совершенно убедил их в необходимости миссии.

Оба посланных миссионера, Тильман и Бон, искали такие общины колонии, которые бы сделали первые практические шаги в пользу киргизской миссии. Убеждённых в успехах этого дела христиан они хотели объединить в одну рабочую группу. Им двоим эта огромная работа была не по плечу. Уже одно выполнение принятого по случаю приезда Бродбента решения – построить для киргизов больницу – требовало много добровольных помощников. Хотя и был выделен участок для строительства, но дальше этого дело не продвигалось. Кроме того, нужно было организовать курсы по изучению языка. Но и для этого нужны были учебник, учитель, помещение. Всё это миссионеры надеялись привести в движение с помощью верующих меннонитов.

Сначала немцев, потом киргизов

Вскоре по прибытии в Николайполь началась работа. Рудольф Бон в своём письме от 5 февраля

1909 года об этом пишет: „Люди, с которыми мы имеем здесь дело – кроме немцев – русские, сарты, киргизы; преимущественно киргизы. Хотя мы приехали преимущественно из-за работы среди киргизов, у нас на данный момент ещё много другой работы, и прежде всего много времени и сил мы посвящаем немецким братьям и сёстрам. Они имеют два больших молитвенных дома, в которых мы поочерёдно служим в Слове, особенно в последнее время, так как по причине свирепствующей оспы многие, ранее проповедовавшие братья, не могли участвовать в собраниях. Господь нас и в том благословил, послав большое пробуждение, особенно среди молодёжи. У нас сейчас проводятся специальные собрания для пробужденных и вновь покаявшихся, где особенно чувствуется, что Господь с нами, и где парни и девушки обращаются к Богу. Вероятно так и должно быть: сначала немцы, потом киргизы.“

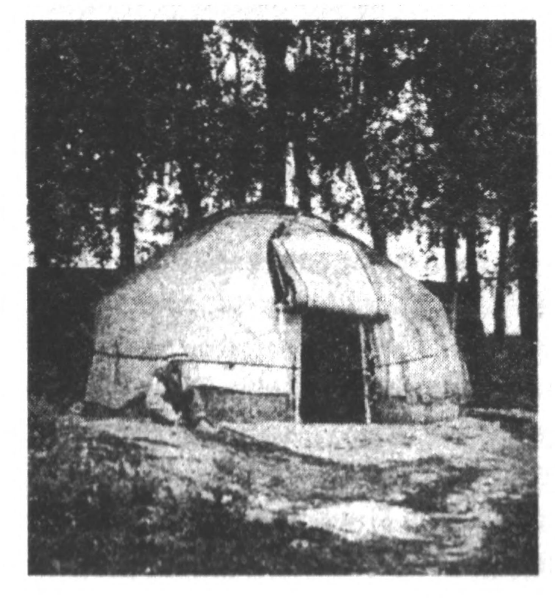
Миссионеры старались прежде всего мобилизировать местные общины к работе в миссии. Уже спустя два месяца после их приезда в обоих меннонитских молитвенных домах были образованы молитвенные группы. Молитвенные часы проводились каждую пятницу, во время которых „мы особенно молились за магометан в нашем окружении“, пишет Тильман в одном из писем от 1909 года. В этом же письме он сообщает об образовании весной 1909 года среди женщин колонии различных миссионерских кружков шитья, вязания, вышивания и различных других видов рукоделия. Выручка от продажи этих вещей дол-

жна была частично финансировать миссионерскую работу среди киргизов. Во время практической работы читалось „что-нибудь полезное", связывая, таким образом, практическую помощь с духовным назиданием. „Бог нас уже обильно благословил", – с глубоким убеждением пишет Тильман.

Одновременно с работой в немецких общинах миссионеры занялись изучением киргизского языка. Мулла, получивший специальное образование, согласился за плату учить братьев устной и письменной речи. Кроме того, один местный меннонит по фамилии Регер, уже хорошо говоривший по-киргизски, вызвался учиться вместе с ними. Бон пишет о нём: „У брата Регера большое, хорошее хозяйское подворье, много скота, и до сих пор он жил только для своего хозяйства. Но Господь так „положил ему на сердце" киргизов, что он согласен своё знание киргизского языка, себя лично и всё, что он имеет, отдать на служение Богу." Знание Регером языка очень облегчало новичкам общение со своим учителем. Обоим изучение киргизского давалось нелегко. Особенно уже немолодой Тильман очень медленно продвигался вперёд в изучении незнакомого строя речи тюркской разновидности. Но, тем не менее, они достигли такого успеха, что вскоре отважились на первые посещения киргизов. О их первой поездке в горы Рудольф Бон пишет: „В выше упомянутой поездке верхом, которая длилась два дня и в которой участвовало пять человек, мы не могли использовать немецких лошадей, так как

они не могут одолеть необыкновенно крутые, порой кажущиеся неприступными тропы. Поэтому мы взяли киргизских жеребцов. Я уже раньше тренировался в езде верхом, так как порой очень нелегко совладеть с таким конём. Утром в восемь часов, надев валенки, тёплые шубы и меховые шапки, мы отправились. Сначала наш путь пролегал по широкой долине. Мой конь вскоре так одичал, что я с трудом мог удержать его на месте. „Кто знает, чем всё это сегодня еще кончится?“ - думал я. Но как только мы оказались в горах, я понял, что подо мной хороший конь: я мог совершенно на него положиться, и он надёжно проносил меня через все опасные места. Вдруг мы въехали в огромное ущелье. Справа внизу шумела вода, а слева возвышалась почти отвесная, необычайно высокая скалистая стена. Вследствие землетрясений или других природных явлений от стены отделились огромные камни и обрушились вниз. С необыкновенной ловкостью лошади продвигались между камней по узким тропинкам. Иногда тропа почти отвесно, словно по ступенькам, опускается вниз, а потом снова вверх, как на крышу. К обеду нам встретилось несколько киргизских юрт. Залаяли собаки, и сразу же показались киргизы: мужчины, женщины, дети. Они, взяв наших лошадей под уздцы, помогли нам сойти с седла. О лошадях нам не надо было беспокоиться: о них позаботятся. Я должен заметить, что киргизы необыкновенно гостеприимны. Нас провели в круглую юрту. Посередине ярко горит огонь, по сторонам разостланы кошмы. Стульев и

столов здесь не знают. Нас вежливо приглашают садиться. Как уважаемые гости мы усаживаемся напротив входа. Над костром в большом чайнике уже кипит вода для чая. Вскоре в юрте собрались и соседи, и мы все сидим вокруг огня с подогнутыми ногами, что для нас, немцев, не совсем легко. Нас рассматривают, нами восхищаются. Женщины не сидят в нашем кругу, они должны сидеть позади мужчин. Чай готов. Женщины протирают чашки, выглядящие не очень привлекательно, и начинается чаепитие. Хлеб мы привезли с собой. Киргизские мальчишки, с наголо остриженными головами, узкими голодными глазёнками смотрят на хлеб. Как вежливые и щедрые гости, мы каждому отрезаем по большому куску, и через короткое время хлеб исчезает. Во время еды ведутся пространные разговоры, но нам, однако, нужно

Юрта — киргизская палатка для жилья. Фото сделано в 1911 году.

ехать дальше. Лёгким поклоном мы благодарим за гостеприимство, и оседлав коней, продолжаем наш путь по кажущимся неприступным ущельям. В четыре часа пополудни мы достигли цели.“

Дальше Бон рассказывает о ещё нескольких подобных встречах во время этого путешествия в горы: с совсем бедными кочевниками и с киргизами побогаче. Были разговоры и о вере. Двое из участников путешествия владели киргизским и могли хорошо общаться с кочевниками. Идиллия этого первого путешествия была, однако, омрачена встречей с киргизскими детьми-сиротами. Бон пишет: „Я должен упомянуть, что нужда некоторых бедных сирот тяжело легла мне на сердце. Там был маленький мальчик, лет десяти. Все остальные были одеты в шубы и обуты в ботинки, и лишь он один был полуголый. В моём воображении вновь и вновь возникает картина, как он, дрожа всем телом, сидит возле огня, ища взглядом нашего сочувствия. Ему была дана кличка „Собака“. От всяких, постигавших его несчастий голова его была совсем крива. Как благодарно смотрел он на нас, когда мы протянули ему кусок хлеба. К его сестре, девочке лет двенадцати, относились лучше, так как она приносила доход: её уже продали одному мужчине. Боже, как нужно этим людям Евангелие! Брат Регер, бывший вместе с нами, уже отправил кого-то в горы, чтобы забрать мальчика-сироту в свой дом. Но таких детей много, и как кстати был бы там приют для сирот. Я очень рад, что могу находиться тут, где так много нужды и горя, и где так

необходимо Евангелие! Хотя предстоящая нам работа очень трудна, и не обещает большого успеха, но я верю, что здесь есть многие, которых Бог хочет спасти.“

Во время другого путешествия в меннонитскую общину на реке Чу, предпринятого братьями год спустя после прибытия в Туркестан, в котором предположительно принимала участие и молодая супруга Тильмана, Августа, миссионеры посетили стоянки кочевников-казахов в пустыне. Мартын Тильман в середине сентября 1909 года снова женился. Бон пишет: „Наше путешествие пролегало через пустыню, и, естественно, несло с собой много прекрасных приключений. Многие сёстры тоже ехали с нами верхом. Я должен заметить, что наши немецкие женщины и девушки почти все хорошо ездят верхом, причём по-мужски, что и необходимо, если путешествие продолжается пять-шесть дней. Одеяла, шубы и другие, необходимые нам для ночлега под открытым небом принадлежности, а также провиант, вёдра и т. п., мы погрузили на верблюда, и таким образом одним прекрасным утром отправились в путь. Теперь перед нами лежала пустыня, которую нам предстояло пересечь. Часто мы были вынуждены ехать до вечера, чтобы добраться до колодца (цистерны), так как иначе воды взять было негде. Порой мы проезжали мимо палатокюрт жителей пустыни (казахов), и замечали, что они нас боятся. Если же мы прибывали к колодцу, где стояли казахские юрты, вечером, и они видели, что мы ничего злого против них не

замышляем, то обычно приветливо нас принимали, готовя нам чай, и угощая нас в своих юртах. В заключение мы читали им главу из Нового Завета, и брат Регер, умевший говорить по-казахски, объяснял им содержание прочитанного. Спев им ещё несколько песен на их языке, что для них было чем-то совершенно новым, мы склонялись на колени и молились. Ах, с каким удивлением они нас тогда рассматривали! Бедные! Я надеюсь на Бога, что семя сеялось не напрасно и что оно даст свои плоды. Когда мы ложились спать, многие, особенно женщины и дети, подходили, садясь вокруг, да, почти на нас, и смотрели нам прямо в лицо. Если мы всё-таки просили их оставить нас одних, потому что мы хотим спать, они говорили, что они ничего против не имеют, но им так хочется ещё немного посмотреть на нас и послушать нашу красивую речь. Или они брали шляпу одной из наших сестёр, чтобы ею полюбоваться, после чего одна за другой надевали шляпу на себя, чтобы примерить и посмотреть, подходит ли. Они – большие дети. Иногда нам приходилось поочерёдно дежурить у наших лошадей, чтобы их не украли ... Однажды, когда потерялся наш верблюд, наша молитва была чудным образом услышана, и Господь позволил нам совершенно удивительным образом его отыскать.“

Целой и невредимой группа достигла немецкого поселения на реке Чу. Здесь был запланирован ряд евангельских собраний. Господь благословил эти собрания, „так что и здесь многие души обратились. Молодые и пожилые люди сла-

вили Бога и благодарили Его за мир, который Он им подарил.“ После восьми дней пребывания в колонии, группа, ободрённая и радостная, возвращалась в Николайполь.

Летом 1909 года киргизский мулла покинул Николайполь. Его отец предпринял паломничество в Мекку, и поэтому он посчитал необходимым для себя вернуться в Ташкент. Рудольф Бон, между тем, решил учиться русскому языку и с этой целью переехал в 25 километрах лежащее от Николайполя русское село, в котором ещё не было христиан. И здесь предоставилось много возможностей проповедывать Евангелие. Бон подружился с одним мусульманским муллой, который давал уроки в той же школе. Мулла даже предложил бесплатно давать Бону уроки киргизского и сартского языков.

Мартын Тильман вместе с одним братом в это время начал перевод с русского на немецкий небольшого пособия по изучению киргизского языка. Кроме того, он регулярно встречался с группой молодых меннонитов для молитвы о миссии среди киргизов.

Новая семья

Присутствие немецких миссионеров в колонии и их постоянные разговоры о важности миссии среди киргизов скоро привели к тому, что всё больше братьев и сестёр в обоих меннонитских общинах задумывались над этим вопросом. Ду-

ховное пробуждение среди молодёжи служило также поводом к организации новых молитвенных групп. К одному из таких кружков меннонитской общины принадлежала и Августа Янцен (1885-1959). Она с детства училась киргизскому языку и ещё до приезда миссионеров интересовалась вопросом евангелизации киргизов. Она же была одной из первых, присоединившихся к молитвенной группе миссионеров.

Вскоре из совместной молитвы вышло большее. После первых колебаний Мартын решил просить руки Августы. Она была на четырнадцать лет моложе его и не имела никакого жизненного опыта, позволившего бы ей понимать его. Кроме того, у него было два сына. Наконец, отбросив в сторону сомнения, он просил её согласия, и встретил ответную любовь. Августа сказала „да“, хотя её родители только после долгих колебаний дали положительный ответ, скорее всего потому, что Мартын был членом братской общины. Так как было принято, чтобы жена переходила в общину мужа – что для Августы означало новое крещение – это готовило родителям невесты немало забот. Но и они согласились, и в сентябре 1909 года молодые Тильманы сочетались.

Вскоре после женитьбы молодая пара отправилась на юг России, чтобы забрать к себе обоих сыновей Тильмана от первого брака, живших у родителей его первой жены. Основание новой семьи требовало не только изменения привычек детей, но и обязывала к совсем новой отцовской ответственности. Хотя Мартын Тильман приехал

в Туркестан в качестве миссионера британского миссионерского общества, это ни в коей мере не означало, что Англия оказывала ему финансовую поддержку. Как и другие его коллеги, он был вынужден заботиться о своем содержании. Будучи по профессии учителем, Мартын сразу же нашёл себе место работы в колонии. В 1910 году в одном из писем в Берлинскую библейскую школу он благодарил Бога за то, что Он так чудно о них заботился и в материальном плане. „Господь до сих пор давал нам всё необходимое. Это должно быть одновременно и гарантией того, что Он совершит и большее,“ – писал он.

21 июля1910 года вновь образовавшейся семье был подарен их первый совместный ребёнок: родилась Агата. За ней последовали Давид (1913), Рудольф (1914), Павлина (1916), Эрна (1918) и Вернер (1920).

Глава 5

Начало миссии

Медицинское обеспечение как начало деятельности

Начало работы было очень трудным. Два года спустя после прибытия в Киргизию, Тильман в „Открытых дверях“ писал: „Если я задумываюсь о целях нашего пребывания в этих местах и пристальнее вглядываюсь в положение вещей среди местного населения, то меня охватывает страх и невольно встаёт вопрос: когда же будет спасена первая душа? Увидим ли мы когда нибудь хоть небольшие плоды своего труда? Судя по-человечески – никогда и ни за что! Но мы должны судить не по-человечески, а по Божьи. А для Него не бывает ничего невозможного. О том нам убедительно говорят стены Иерихона. Да и всё Священное Писание полно доказательств, насколько наш Бог выше всех трудностей.“

Миссионеры старались обрести среди киргизов друзей прежде всего тем, что оказывали им различную помощь, и прежде всего медицинскую. В одном из писем от 2 сентября 1909 года Рудольф Бон пишет, что они решили открыть больницу для киргизов, в которой им будет оказываться бесплатная медицинская помощь. Этим самым было выполнено обещание меннонитов, данное ими Е.Г.Бродбенту в 1907 году.

„80 000 штук самана уже готово, и мы надеемся весной начать строительство.“ Строительство началось в 1910 году. Брат Герман Эпп, у которого жили миссионеры, выделил для этого участок земли, находившийся между Кёппенталем и Ни-

колайполем. 6 февраля 1910 года Бон, полный надежд, пишет: „Строительство больницы – первый убедительный шаг веры, который будет сделан по пути осуществления нашего дела. Мы верим, что открытие больницы и обеспечение ухода за больными будет самым подходящим путём приближения к местному населению.“

Так возникла станция медицинского обслуживания, строившаяся и оборудовавшаяся при помощи меннонитской общины Николайполя. Эта станция, называемая госпиталем, одновременно подавала миссионерам надежды в отношении евангелизации киргизов. Рудольф Бон об этом пишет: „Здесь имеется маленький госпиталь, построенный одним из наших братьев, в котором мы имеем возможность беседовать с пациентами и читать с ними Евангелие. Они терпеливо выслушивают нас, чего вероятно не делали бы, если бы мы их не лечили. Многие амбулаторные больные приходят к нам за лекарствами.“

Уже спустя годы он, оглядываясь на пройденный путь, всё ещё придавал этому медицинскому предприятию большое значение: „Самым многообещающим и обнадёживающим нашим мероприятием в Центральной Азии было строительство больницы ... Помогать магометанам в поправке их здоровья, обращаться с ними с любовью – это лучший способ проповеди им Евангелия.“

Строительство больницы было делом довольно сложным. Воздвижение четырех стен здания и общее обслуживание пациентов шло сравнительно быстро и легко. Самой же большой проблемой

был квалифицированный медицинский персонал. Обойтись без него было никак нельзя. Ни Тильман, ни Бон не обладали достаточными медицинскими знаниями и навыками. Мартын, живя в Англии, пытался что-то сделать в этом направлении, но госпиталь требовал специальной подготовки. Чтобы получить хотя бы некоторую помощь, миссионеры послали Августу Тильман и ещё одну, уже в период служения Тильмана в 1909 году пришедшую к вере сестру, учиться на медицинских работников в Ригу. В середине сентября обе женщины в сопровождении Мартына отправились в путь. Курс обучения продолжался 10 месяцев и был рассчитан на последующее служение среди киргизских женщин. Сёстры получили в Риге хорошую основу медицинского образования. Августа выучилась на акушерку, что потом ей очень помогло в работе среди местных женщин.

В 1911 году, после двух лет бесполезной борьбы за право проживания в России, Рудольф Бон был вынужден покинуть страну и вернуться в Германию. Через Самару и южно-российские меннонитские колонии он отправился в Берлин, начав одновременно с женой осенью 1911 года в государственной больнице города Бремена своё обучение на санитара, продолжавшееся до Рождества. Отсюда он отправился в Англию, где прошёл шестимесячную подготовку по народной медицине.

В том же году медицинская группа в Ташкенте получила подкрепление: из Германии приеха-

ла миссионерская супружеская пара Гербольд. О. Гербольд после одного года жизни в Туркестане писал о своей работе среди киргизов: „Эта земля, которая многим немцам была знакома только по названию, несколько лет тому назад стала предметом молитв многих детей Божьих, после того, как сюда приехали первые братья из Германии, чтобы живущим в глубокой тьме магометанам проповедывать Евангелие. Может кто-то спросит, чего же они добились, каковы их успехи. О каких-либо явных успехах говорить пока не приходится, по крайней мере в том смысле, что кто-либо из магометан стал христианином. С тех пор, как мы с женой живём здесь, мы старались помочь многим киргизам, обращавшимся к нам за медицинской помощью, и можем говорить о больших успехах в работе этого рода. Но это нас не удовлетворяет. Мы бы очень хотели делать что-то большее, чем только оказание физической помощи, хотя и эта служба важна и нужна, потому что многие киргизы погибают в своей нужде. Но насколько больше нужна им духовная помощь! Каждый день многие из них умирают, так и не узнав о спасении через Христа, а ведь Он и за них умер. Здесь большая нужда и большое поле деятельности для братьев и сестёр, которые были бы готовы, отрекшись себя, посвятить свою жизнь служению.“

Сразу же по прибытии в Николайполь Гербольды с полной отдачей подключились к миссионерской работе, и прежде всего к работе в госпитале.

В одном письме от 1912 года, напечатанном в „Открытых дверях“ Августа Гербольд пишет об этой работе: „Сразу же по нашем прибытии сюда, как только стало известно, что мы готовы помогать, нас стали навещать киргизы, и мне пришлось перевязать много ран... Часто ко мне приходят киргизы с тяжёлыми ранами и заболеваниями самого различного рода. Сейчас у меня на лечении находится четырёхлетний мальчик, у которого сильный ожог тела. Будучи в юрте, он слишком близко подошёл к огню, и его одежду охватило пламя. Такие случаи очень часты, так как костры у киргизов в юртах не огорожены. Недавно я лечила ребёнка, попавшего в подобное несчастье. К сожалению, киргизы приходят за помощью лишь тогда, когда болезнь уже запущена и они сами ничего не в состоянии сделать. Часто мне приносят маленьких детей, настолько грязных и покрытых паразитами, что мне приходится вначале их тщательно мыть и чистить, а потом начинать обслуживание. Хотя здесь нет недостатка в воде, многие обходятся с ней очень экономно, а мыла и вообще не знают. Нередко киргизы своим непониманием осложняют работу по излечению ран. Так, недавно пришла женщина с маленьким ребёнком, у которого была очень больная ножка и высокая температура. Киргизы имеют обычай: больные места, особенно если они распухли, тщательно разрезать ножом. Недавно я видела женщину с опухшим животом, которую тоже лечили подобным методом, вследствии чего её тело было покрыто многочислен-

ными порезами. Так же поступили и с ребёнком. Я обработала его рану, и на следующий день ему стало значительно лучше. Женщина была очень счастлива. К сожалению, через несколько дней она вновь принесла ко мне ребёнка. Ранка на ноге кровоточила, и женщина, сняв повязку, помазала больную ножку ртутью. Рана была опять в страшном состоянии, и ребёнок просто горел в жару. Подобное случается нередко. Приходится просить у Бога много терпения и мудрости, чтобы оставаться спокойной в такой ситуации. Здесь нельзя быть чувствительным и брезгливым, нельзя бояться грязи и паразитов, потому что киргизы рождаются в этом."

Большие надежды связывали миссионеры с зубным техником Авраамом Региром, ещё одним выпускником библейской школы „Альянс" в Берлине, переехавшим в Николайполь в 1914 году. В 1912 году он вместе с Петром Кеном из меннонитской материнской колонии на Украине предпринял путешествие на миссионерские поля Туркестана. Возможно, он прервал свою подготовку на зубного техника в связи с учёбой в Берлинской библейской школе и теперь, возвратившись из Берлина, не мог продолжать прежнюю работу, потому что не сдал необходимого экзамена. Теперь он был свободен и мог больше заниматься вопросами миссионерской работы. Как видно из письма Авраама Янцена в библейскую школу Виденеста, их посещение Киргизии было для миссионеров большим ободрением. Он пишет: „Мы были очень рады принять

у себя братьев Авраама Регира и Петра Кена. Четырнадцать дней они были с нами. В конце июля мы вместе с братьями предпринял поездку в Чу, проведя там благословенное время. Мы рады, что имеем много сторонников, неустанно поддерживающих нас перед Богом в работе в Туркестане.“ На Регира эта работа, должно быть, произвела большое впечатление. Полное отсутствие зубо-врачебного обслуживания среди местного кочевого населения пробудило в нем желание вернуться в Киргизию и связать свою миссионерскую деятельность с выездным обслуживанием. В 1914 году он переехал в Николайполь. К сожалению, вскоре после начала своей работы он заболел тифом, и 20 августа 1915 года в возрасте тридцати двух лет умер.

Хорошие результаты приносила работа Павлины Бон, которая имела не только общемедицинскую подготовку. Получив акушерское образование, она вскоре стала пользоваться репутацией чонг байбедже доктор (большого женского доктора).

Оказание первой медицинской помощи местному населению начало понемногу давать свои плоды. Кочевники всё больше доверяли миссионерам, искавшим всевозможные пути понять и помочь им, что отличало их от русских землевладельцев. Всё чаще удавалось миссионерам связывать свою работу со свидетельством Евангелия. Хотя и не видно было больших плодов, но поле медленно и верно зрело.

Путешествия с целью миссионерства

Одним из важнейших методов конкретной евангелизации мусульман являются продолжительные миссионерские путешествия. И хотя Мартын Тильман редко принимал в них участие, всё же это было для него делом большой важности. В 1910 году он предпринял такое путешествие в немецкое поселение на реке Чу, а в июле 1911 года вся семья Тильманов отправилась в горы к киргизам. В одном письме к своему миссионерскому обществу в Англии Мартын пишет об этом:

„18 июля наша семья выехала на несколько недель в горы. Эта местность покрыта лесами, и здесь очень хороший воздух. Мы не встретили здесь никаких других людей, кроме киргизов с их юртами, овцами, козами, лошадьми, коровами и верблюдами... Киргизы в этой местности живут такой простой жизнью, которой, вероятно, позавидовал бы ни один европеец. Некоторым из них мы попытались проповедовать Евангелие. Однажды в воскресенье, после обеда мы поднялись на гору, вершина которой развернула перед нами прекрасное плато, на котором стояло несколько юрт. Жильцы одной из юрт вышли к нам, с большим радушием пригласив к себе в палатку и угостили, чем могли... Люди, молодые и старые, сидели вокруг нас и, пока мы ели, начали разговор на духовную тему. Один из пожилых людей, заинтересованный темой беседы, подсел к нам поближе. В другой раз, когда я сидел на склоне горы и читал Библию, подошёл киргиз, поздоро-

вался со мной и спросил, откуда я и что я здесь делаю. Я тоже поинтересовался его жизнью: куда он направляется, сколько у него лошадей, овец, коз и т. д. Потом я показал ему Новый Завет „Инжил“ и спросил, умеет ли он читать. Так как он не мог читать, я ему прочёл ... мой слушатель заинтересовался.“

Тильман рассказывает и о другом путешествии, 1912 года. Во время этого путешествия он намеренно посещал людей, о которых слышал, что они открыты для Евангелия, и среди них одного „бел“, что значит „судья“. Открытость этих людей ко всему, что касается Бога, произвело на Тильмана глубокое впечатление. Он пишет: „Хотя киргизы и невежды, но и они убеждены, что их жизнь ни в коей мере не соответствует плану Божьему. Этим убеждениям и чувствам должно углубиться, и тогда они сами придут к вопросу: „Что я должен сделать, чтобы спастись?“

Чтобы скоординировать свою работу среди киргизов, многие братья в декабре 1912 года собрались в Николайполе. В будущем нужно было лучше планировать миссионерские путешествия, чётко определяя их цели. Настоящим двигателем миссионерских путешествий был Герман Янтцен. Он владел несколькими азиатскими языками и, как никто другой, знал мусульман. Герман Янтцен присоединился к миссионерской группе в 1911 году, хотя никогда не приравнивал себя к немецким миссионером. Он был местным жителем, прекрасным знатоком языков, традиций, навыков и привычек этих людей. Продолжитель-

ный созидательный труд Мартына Тильмана был ему непонятен, да он и не видел в нём большого смысла, в чём убеждает его собственная биография. Но в миссионерских мероприятиях Янтцен был просто незаменим. Тильман был достаточно мудрым и гибким в вопросах руководства делами миссии, предоставляя эту работу Янтцену. Было достаточно много и другой работы, но у последнего на неё не было ни желания, ни интереса.

Киргизы – большие любители лошадей. Кислое кобылье молоко, кумыс – их национальный напиток. Фото 1912 года

О некоторых из этих путешествий написаны доклады. Так, Рудольф Бон описывает одно из таких путешествий 1914 года, продолжавшееся три недели. Оно пролегало через Аулие-Ата в Пишпек и вело дальше к Чу. „Я отправился в путь с двумя меннонитскими братьями, которым Господь положил эту работу на сердце,“ – пишет он. „Сначала мы отправились в город Аулие-Ата. В пути нам предоставлялись прекрасные возмож-

ности говорить с людьми, особенно в чай-ханах (чайных), где всегда можно кого-либо встретить. Они любят слушать людей, прибывших издалека и везущих с собою вести, поэтому мы радовались возможности поделиться с ними Благой Вестью. Многие из них, особенно в пустыне, голодны на Слово Божье.“

Миссионерская группа так планировала своё путешествие, чтобы оно пролегало к таким вот голодным и одиноко жившим в дикой пустыне. „Наше путешествие сопровождалось многими опасностями,“ – пишет Бон. „Вместе с кочевниками мы ели лошадиное мясо, пили кумыс и баранье молоко. Часто эти блюда приготовляются в грязных сосудах и грязными руками. Мы спали в палатках кочевников, хотя они кишели всякими возбудителями болезней. Если бы мы попытались ночевать в открытых степях, нам не удалось бы сохранить наших лошадей от воров.“

Большим подспорьем в работе миссионеров была их способность и готовность оказывать кочевникам медицинскую помощь. Бон пишет: „Господь открыл нам здесь двери через знание медицины. Очень часто мы только потому могли проникнуть в юрты киргизов и казахов, где мне пришлось выдернуть много зубов, что оказывали им медицинскую помощь.“

О том, чтобы вследствие такой работы кочевники приходили в покаянии к Богу, ничего не известно. Евангелие было для них так ново, что им требовалось время, чтобы понять слова об Иисусе и чтобы они проникли в их сознание.

Хорошее свидетельство всегда готовых прийти на помощь миссионеров не давало им забыть и о важности сказанных ими слов.

Миссионерская станция в Чу

Миссионерские путешествия не позволяли наладить долговременную, конкретную работу с заинтересованными в Евангелии кочевниками, и это расстраивало прежде всего Тильмана. Он был не таким евангелистом как Герман Янтцен. Тильман ценил не столько сиюминутный успех, сколько плод продолжительной работы. Видимо исходя из этого, он выдвинул идею о основании ещё нескольких миссионерских станций. И в этом случае, по замыслу Тильмана, исходным пунктом должны были стать немецкие поселения. После некоторых размышлений он избрал местом следующей станции вновь образовавшееся поселение на реке Чу. Благодаря повторяющимся миссионерским путешествиям Тильмана, Бона, Германа Янтцена, Авраама Янцена и других, целый ряд казахов здесь стал доступен для Евангелия.

Колония переселенцев была очень бедной и не могла нанять себе учителя, поэтому жители её очень приветствовали намерение Тильмана переселиться к ним. Осенью 1913 года Августа и Мартын приняли приглашение колонии на реке Чу, всю зиму преподовать в местной школе. Кроме того, они интенсивно подключились к работе по

строительству общины. Тильман имел здесь своей целью, как и в Чуйской долине, создание миссионерской станции для работы среди казахов. Рудольф Бон в одной заметке особо на это указывает. Он пишет: „Тильман и его жена уехали на зиму на реку Чу, что отсюда в 10-15 днях пути на лошадиной упряжке. Там находится небольшое немецкое поселение, и Тильман будет там всю зиму учить детей, имея при этом большие возможности работать среди казахов.“ Этот шаг по расширению работы на Чу был, очевидно, совместно продуман миссионерами, хотя Бон позже и указывает на то, что идея исходила от Тильмана. Во всяком случае все берлинские миссионеры поддержали это мероприятие. Полный надежд, Тильман сам рассказывает весной 1914 года о начале работы. Он пишет: „Я уже давно чувствовал внутреннее повеление – ближе познакомиться с казахами, живущими на реке Чу... И вот с ноября мы с женой работаем здесь среди немцев и казахов ... Положение казахов и киргизов очень схоже, хотя многие казахи умеют читать, но они ещё менее заботятся о чистоте, чем киргизы, особенно женщины. Они часто приходят к нам со своими болезнями, и Господь всё снова благословляет лекарства, которые мы им даём. Мы убеждены, что эти места могут стать центром для успешной работы. К сожалению, мы должны скоро возвратиться в Николайполь, так как супруги Бон одни не справляются с работой.“

В начале 1914 года их посетили Рудольф Бон с двумя меннонитскими братьями (одним из них,

очевидно, был Герман Янтцен), которые совершали в это время одно из своих миссионерских путешествий. Миссионеры задержались на реке Чу четыре дня с целью евангелизации. При этом несколько человек немецкого происхождения пришли к вере. Можно полагать, что группа миссионеров говорила с верующими немцами о важности евангельской работы среди казахов.

К большому сожалению осуществить этот план не удалось. Поселение находилось так далеко от остального мира, что не было даже постоянной почтовой связи. Кроме того, болотистая местность стала причиной появившейся в деревнях малярии. Да и местное население относилось к немецким переселенцам скорее враждебно. Поэтому в течение 1914-1915 годов поселение постепенно прекратило своё существование, и семья Тильманов была вынуждена оставить свои намерения и возвратиться обратно в Чуйскую долину.

Трудности работы

Работа с киргизами продвигалась вперёд с большими трудностями. Кроме обычных сложностей, касающихся культуры и языка, часто приходилось решать проблемы взаимоотношений с чиновниками. Рудольф Бон уже несколько лет добивался права на место жительства. Тильман пишет, что причиной такого отрицательного отношения к Бону со стороны чиновников была, очевидно, клевета кого-либо из немцев, давшего Бону сом-

нительную характеристику. Мартын очень боялся, что его сотрудник по работе вскоре будет вынужден покинуть эту землю. В одном из писем братьям в Берлин Тильман пишет:

„Если я задумываюсь о целях нашего пребывания в этих местах и пристальнее вглядываюсь в положение вещей среди местного населения, то меня охватывает страх и невольно встаёт вопрос: когда же будет спасена первая душа? Увидим ли мы когда нибудь хоть небольшие плоды своего труда? Судя по-человечески – никогда и ни за что!“

Если рассуждать по-человечески, то Тильман прав. Он сравнивал киргизов с критянами, которых свои же земляки называли „лжецами, злыми зверями, утробами ленивыми“ (Посл. к Титу 1,12). Но Бог оценивает и действует иначе. Это знали и миссионеры. И вот пришёл, наконец, день, когда первый киргиз отдал своё сердце Иисусу. В 1914 году Бон сообщает о покаянии киргиза, бывшего некогда вором. Бон пишет: „Мы сейчас переживаем удивительное время: семена, которые сеялись здесь долгие годы, дают всходы и приносят плоды. Магометане пришли в движение, и я думаю, мы стоим перед большими переменами.“

В том же году пришёл к вере его учитель казахского языка. Прожив только несколько месяцев у Бонов, он однажды в присутствии миссионеров поднял глаза к высоким горам и с печалью в голосе сказал: „Моя вина, как эта гора.“ Вскоре после этого он отдал жизнь Иисусу и получил прощение своих грехов.

Это были первые плоды уже годами длившейся работы. Но радость ни в коем случае не ослепляла миссионеров. Они реально видели, как ожесточены киргизские сердца по отношению к любившему их Богу. Очень медленно спадала пелена с глаз ослеплённых людей. Выяснилось также, что многократно и хорошо обдуманная стратегия – достичь киргизов Евангелием через и из меннонитских поселений – была большой ошибкой.

Проблемы „немецкой веры"

Очень скоро перед миссионерами встало много проблем. Христианская вера была для киргизов, которые вступили в контакт с миссионерами, немецкой верой. Переход в эту веру оценивался киргизами как предательство собственного народа, что явствует из нижеследующего сообщения Рудольфа Бона.

Один из киргизов был близок к покаянию. Бон пишет о нём: „Уже сейчас о нём много судачат среди киргизов... Одни говорят: „Он уже стал „ниметц" (немцем)." Им его жаль, и они высказывают свои сожаления по этому поводу."

Такое отождествление киргизами христианской веры с культурой немецких меннонитов было для миссионеров неожиданным. Во всяком случае миссионеры ничего против этого не предпринимали. Да и напрашивается вопрос, знали ли они вообще, что можно против этого сделать? Религиозные формы и нормы в поведении мен-

нонитов в основном соответствовали культуре немцев. В Берлине вопросами отношения Евангелия к чужим культурам ещё не занимались. Видимо поэтому миссионеры, сознавая и печалясь о том, что киргизы в их вере видят прежде всего всё немецкое, не пытаются построить против этого какую-либо альтернативу. Они могли бы просто переехать к кочевникам.

Но несмотря на такие непредвиденности, некоторые из местных жителей, хотя и немногие, пришли к вере. В одном из своих докладов в Берлин от 25.08.1917 года Тильман рассказывает о покаянии некоторых мусульман. Правда, из этого сообщения непонятно, были ли эти мусульмане киргизами или принадлежали к какой-либо другой среднеазиатской группе населения. Не ясно также, пришли ли эти новообращённые к вере в Иисуса Христа вследствие непосредственной работы в Чуйской долине.

Библейская школа в Берлине – духовная поддержка

Неизвестно, смогли бы миссионеры так долго заниматься своей работой, если бы не постоянная поддержка библейской школы Берлина, позднее Виденеста, а также миссионерски настроенных братьев на юге России, которыми их так обильно благословил Бог.

Значение Берлинской библейской школы в духовной поддержке немецких миссионеров в

Туркестане невозможно переоценить. И дело не только в том, что выпускники этой школы в качестве миссионеров направлялись в Туркестан, но сама школа, после путешествия брата Бродбента в Туркестан в 1907 году, поставила своей целью: евангелизацию именно этого уголка земли рассматривать для себя, как дело первостепенной важности. В одном из отчётов школы от 1909 года говорится: „Когда брат Бродбент, возвращаясь из своего путешествия по Туркестану в Англию, навестил нашу школу в Берлине и рассказал об огромном поле деятельности в Центральной Азии и хороших возможностях начать там работу среди мусульманских народов, мы все, учителя и ученики, были под впечатлением, что наш Господь не случайно хочет возложить на нас это дело. С тех пор мы никогда не переставали оказывать этим землям наше особое внимание. Многие наши братья отчётливо чувствовали зов Центральной Азии и отдавали себя в распоряжение Бога. И Господь шаг за шагом чудесно вёл их дальше. Теперь там находится уже трое наших братьев, которые, доверившись воле Божьей, начали свою работу. Другие ещё готовятся, чтобы осенью этого года последовать за ними."

Очевидно, учителям в Берлине удавалось не только передавать знания, но и поддерживать более тесное общение. Выпускники библейской школы, однажды учившиеся в Берлине/Виденесте, всё вновь и вновь искали контакты со школой и друг с другом. Многочисленные письма от бывших учеников, обнародованные в „Ведомос-

тях“ библейской школы, убедительно подтверждают сказанное. И учителя школы не прерывали контакта со своими бывшими учениками. Они регулярно предпринимали путешествия в Россию, чтобы поддержать и ободрить там своих братьев и сестёр.

В 1912 году совершил своё путешествие в Россию Иоганнес Варнс. 15 января он выехал из Берлина и через два дня он прибыл в Петербург, где собирался принять участие в конференции Союза евангельских христиан. В своём отчёте он рассказывает, что на вокзале его встречали его бывшие ученики. Среди прочих Варнс называет Баркмана, Бона и Мартына Тильмана. Это была необыкновенно сердечная встреча Мартына с одним из своих учителей, которым было о чём поговорить. Естественно, центральной темой разговора был вопрос о работе среди кочевников-мусульман. Работа продвигалась намного медленнее, чем виделось и ожидалось в первоначальной увлечённости. Варнсу пришлось приложить немало усилий, чтобы найти нужные слова ободрения. Он был хорошим душепопечителем, и поэтому, наверняка, оказал Тильману большую духовную поддержку.

К сожалению, русская полиция не разрешила Варнсу участвовать в конференции, но зато братья использовали время для того, чтобы обговорить в узком кругу вопросы совместной работы. В этих беседах неоднократно участвовал и И.С. Проханов, руководитель Союза евангельских христиан. Варнс пишет: „Мы имели воз-

можность говорить и обсудить с этим, дорогим нам братом, многие, очень важные вопросы, о которых я не могу здесь говорить.“ Брат Бродбент из Англии тоже участвовал в этих встречах. Может, тогда и началось сближение миссионерской работы в Туркестане с Союзом евангельских христиан? И, может быть, именно тогда потерпела крушение первоначальная восторженная надежда на совместную работу с меннонитскими общинами в Центральной Азии, уклонявшихся от принятия в свои общины вновь обращённых русских из различных деревень? Известно одно, что и Тильман, и Бон были участниками этих обсуждений. Тильман в своём докладе в Англию об этом пишет: „... я получил более глубокое понимание о Господней работе в России. Работы много, и во многих делах мы лишь медленно про-

Иоганнес Варнс, Мартын Тильман, Рудольф Бон и другие в Санкт-Петербурге

двигаемся вперёд.“ Пытались ли Варнс и Бродбент показать братьям из Туркестана путь к более открытым евангельским христианам? Это можно лишь предполагать; события последующих лет, которые привели к основанию в Николайполе „Альянс“ общины – очень близкой по своему духу евангельским христианам – подтверждает это предположение.

Духовная поддержка миссионерам поступала, однако, не только непосредственно из библейской школы Берлина и преподовавших там братьев. Очевидно, существовали и тесные связи между миссионерами Киргизии и братьями из южно-российских меннонитских колоний, по меньшей мере с бывшими берлинскими однокурсниками. Так, например, зубной техник Авраам Регир сообщает, что он с одним братом предпринял путешествие в область миссионерской деятельности в Туркестане. Существуют и другие примеры.

В самом начале работы, летом 1911 года, миссионеров Таласской долины посетил Авраам Фризен, бывший миссионер меннонитской братской общины в Индии. Он провёл в колонии евангелизацию, во время которой многие обратились к Иисусу, прежде всего среди молодёжи. Но настоящей причиной его приезда было, очевидно, нечто иное. В одном из писем Тильман сообщает о намерении Фризена начать миссионерскую работу среди мусульман Крыма. Фризен приехал в Туркестан, скорее всего, чтобы учиться. Впервые в миссионерской истории меннонитов

была начата работа среди мусульман. Опыт Тильмана и Бона мог дать Фризену очень ценную информацию для начала миссионерской работы в Крыму.

Для киргизских миссионеров это посещение служило большим ободрением. Оказывается, их работа была положительно оценена даже на высоком уровне в меннонитской братской общине. И что ею заинтересовался именно Авраам Фризен, было для Мартына Тильмана, очевидно, особенно важно. Когда-то, между прочим, именно работа Фризена в Индии побудила молодого учителя самому пойти в миссию, а теперь учитель приехал к ученику, чтобы учиться у него — какая честь.

Я мог бы привести немало примеров о духовной поддержке работы в Киргизии Германией и югом России. Совершенно ясно установлено, что миссионерская работа Мартына Тильмана и его сотрудников не в последнюю очередь жила за счёт большой поддержки из Германии.

На пути по делам миссии

Как уже было сказано, в январе 1912 года Мартын Тильман участвовал в конгрессе Союза евангельских христиан в Санкт-Петербурге. Здесь его уже ожидал Рудольф Бон, который после завершения курсов медицинского обучения в Германии и Англии приехал, чтобы получить разрешение на дальнейшее продолжение своей работы в Турке-

стане. Он, между тем, будучи в Германии, женился на Павлине Гаас.

Миссионеры решили после конгресса не возвращаться сразу в Туркестан, а навестить сначала немецкие колонии на юге России, в расчёте пробыть там около двух недель. Повсюду в сёлах они проповедывали Евангелие и рассказывали о работе среди мусульман Туркестана. Их сообщения вызывали у братьев и сестёр живой интерес. Были и другие успехи: многие молодые люди пришли к вере.

Бон и Тильман предприняли также ряд миссионерских поездок отдельно друг от друга. Братья пытались привлечь немецкие меннонитские общины к работе в миссии среди ещё не достигнутых Евангелием племён Центральной Азии. Дела миссии среди народов огромной Российской империи, до которых ещё не дошла евангельская весть, казалось, всё больше доходили до ушей и сердец немецких христиан в России. И в этом был немалый вклад Тильмана и его миссионерской группы.

Так, сообщается об одном из путешествий супружеской пары Бон в Новую Самару, в местные меннонитские и меннонитско-братские общины. В этих общинах уже давно шла речь о миссионерстве. Касдорф называет братьев „первопроходцами“ в делах меннонитской миссии среди народов России. Супруги Бон взяли с собой в путешествие обращённого слепого сарта – по свидетельству Германа Янтцена он вовсе не был сартом, а таджиком – по имени Ахмед. Ахмед также выступал

на собраниях и свидетельствовал о своём приходе к Иисусу. Во время одного из собраний он сказал находившимся там меннонитам: „У вас так хорошо. Когда вы собираетесь, вы поёте красивые христианские песни. Через них открываются сердца. Потом вы ясно и понятно проповедуете Священное Писание. Этим вы сеете семена Божьи в сердца. Тогда и ожесточённый, безбожный и фанатичный магометанин не может устоять и впускает в своё сердце Иисуса, и такой слепец, как Ахмед, становится дитём Божьим.“

Глава 6

В вихрях войны и революции

Военные трудности и радости

Первая мировая война тяжелейшим образом ударила по миссионерам Николайполя. Сразу же после начала войны русское правительство издало приказ, согласно которому все немецкие жители на территории Российской империи находились на положении военнопленных. Прокатилась волна арестов.

На миссионерской станции в Николайполе находились только Освальд Гербольд и его жена. Мартын и Августа Тильман работали на новой миссионерской станции в долине Чу. Отсутствовали также Павлина и Рудольф Бон, которые находились в горах у киргизов. Они узнали о большой войне лишь через посыльного от управления колонии, сразу взявшего их с собой в колонию.

Сначала миссионеры думали, что здесь, на окраине огромной Российской империи, их оставят в покое. Но случилось иначе. 26 августа Гербольд и Бон были вызваны в сельсовет, где им объявили, что они находятся под предварительным арестом и как военнопленные будут отправлены в лагерь. Это указание касалось только мужчин.

29 августа началось путешествие в неизвестность. Через Аулие-Ата и Верный миссионеров привезли в конце концов в маленький городок Копал, что находился в 1000 километрах восточнее от Аулие-Ата. Вскоре к ним присоединился и миссионер Фольрат из Ташкента.

Они имели возможность свободного передви-

жения по городу. За исключением двух случаев, никакой опасности для них не существовало. Несколько месяцев спустя к интернированным прибыли и их семьи. Хотя политическая ситуация и предоставляла миссионерам довольно большую свободу передвижения, но семьям в материальном отношении здесь приходилось довольно туго. В 1916 году умер маленький сынишка Рудольфа и Павлины Бон. Болели также и двое детей семьи Гербольд.

Изменения произошли с приходом революции 1917 года. К Рождеству до Копала дошла новость, что пленные могут вернуться на прежние места жительства. Вскоре супруги Бон покинули Копал по направлению Аулие-Ата. После многих, опасных для жизни приключений, они, наконец, достигли надёжной колонии в Таласской долине. Семья Гербольд пока осталась. Здоровье их детей делало путешествие зимой невозможным. Услышав весной 1918 года о начавшейся гражданской войне, Гербольдты перестали думать о возвращении в Туркестане и попытались попасть на поезд для эвакуируемых немецких и австрийских военнопленных, чтобы возвратиться в Германию. Их путешествие, во время которого они потеряли обоих детей, продолжалось до октября 1920 года. После своего возвращения Освальд Гербольд писал в своей заметке в „Открытых дверях": „Живём мы, слава Богу, неплохо. Во время многих опасностей прошедших лет Господь держал над нами Свою любящую руку. Вследствие физического перенапряжения, связанного с нелегким

многомесячным уходом за больными детьми, которых нам пришлось похоронить в сибирской земле, моё здоровье пошатнулось и я нуждаюсь в отдыхе, а может быть и в медицинской помощи.“ Дальше Гербольд писал, что они, с одной стороны, охотно остались бы на миссионерской работе, но с другой стороны, они радовались возможности покинуть беспокойную Россию.

Позади осталась не только земля, раздираемая политическими событиями, но и земля, в которой Бог писал Свою историю – даже там, на далёкой китайской границе, в местах ссылки, миссионеры проповедывали об Иисусе Христе. Только два человека отдали свою жизнь Иисусу вследствие их служения. Казалось, годы прошли напрасно. Но только не у Бога! Уже в 1923 году Фольрат сообщает из Ташкента о положении в Копале: „Бог обратил к Себе сердца большого количества душ, так что теперь многие приходят на собрания.“

Несмотря на войну, работа среди киргизов в Таласской долине продолжалась. Порой казалось, что киргизы теперь даже больше доверяли немцам, так как последние воевали с русскими. Они пытались побудить немцев открыть против русских пятый фронт. В окрестностях Пишпека они сравняли с землёй сорок русских поселений. Герману Янтцену с трудом удалось уговорить киргизов отказаться от идеи большого восстания.

Сразу же после начала войны Тильманы вернулись обратно в Талас. Они взяли на себя образовавшийся вследствие ареста Гербольда и Бона

пролом в работе в госпитале. Мартын снова стал работать учителем, чтобы иметь средства на содержание своей семьи. Было нелегко совмещать все эти дела. Августа, несмотря на заботы о маленьких детях, помогала, как могла. Агате исполнилось всего четыре, Давиду два, а Рудольф как раз только что родился. Но Августа была единственной, оставшейся в деревне акушеркой, и её помощь была постоянно нужна. С нечеловеческими усилиями она исполняла свои обязанности и тогда, когда в 1916 году появился на свет её четвёртый ребёнок, Павлина.

Николайполь всё больше становился убежищем для беженцев. Вооружённые столкновения между киргизами и русскими приносили несчастья как одним, так и другим. Сотни людей оказались без крова. В своём письме от 12 февраля 1916 года Мартын Тильман рассказывает о 250 беженцах, поселившихся в Николайполе. Многие из них были тяжело больны. Небольшое количество палат госпиталя вскоре было переполнено. Три имеющиеся медицинские сестры были перегружены вконец, и вскоре заболели.

В разгаре войны письмо Мартына Тильмана, написанное им 18.06 – 03.07.1917, достигло братьев в Берлине. Он пишет в нём: „Хочу попытаться переслать вам весточку о себе. Все мы, слава Богу, живы и здоровы. Братья и сёстры Бон, Гербольд и Фольрат, насколько нам известно, бодрствуют, и живут неплохо. До сих пор мы ещё не голодали. Жив Бог Илии! Сегодня ровно три года, как началась эта бездушная война. Кто бы

мог подумать, что она протянется так долго. И чего только в это время не случилось! Между прочим, и наша Россия стала свободной страной. Теперь больше не препятствуется тем делам, которые раньше были запрещены. Некоторые магометане обратились к Господу. Слава Ему!“

И здесь Бог участвовал в игре Своей мощной рукой. Среди всех страданий Он искал и находил путь к сердцам первых киргизов, отдававших свои сердца Иисусу. И это было платой за все старания.

Под плетью Советов

В 1917 году прогремела революция. Она привела к вершинам власти в Туркестане беднейшее мусульманское население. Янтцен сообщает, что пресловутое ГПУ в районе Аулие-Ата на 95% состояло из магометан. Это не обещало миссионерам ничего хорошего. Мусульмане связывали христианство с проклятым русским режимом. Теперь, когда царь был свержен с престола и церковь потеряла свою политическую власть, многие искали мести. Не удивительно, что в таких условиях миссия вскоре пришла к упадку.

Уже в 1918 году Авраам И. Янцен был вынужден закрыть свой склад для Библий в Ташкенте. Он возвратился обратно в Николайполь и стал работать учителем в селе Орлофф.

В Таласской долине, однако, обстоятельства менялись очень медленно. Ещё 28 мая 1920 года

Рудольф Бон писал оптимистичное письмо братьям Виденеста: хотя в стране полный хаос и, прежде всего из-за разразившихся эпидемий холеры и тифа, господствует нужда, они чувствуют себя хорошо и полностью отдаются работе. Как пригодилось им теперь дополнительное медицинское образование. Оно не только давало Бону возможность обеспечивать свою семью – оно давало ему бесчисленное количество возможностей свидетельствовать всем людям, а среди них и киргизам, об Иисусе.

Но в конце 1920 года ситуация резко изменилась. В колонии вдруг появились посланцы от советского правительства из Москвы, восемь говоривших по-немецки коммунистов, бывших военнопленных из Германии и Австрии. „Они имели приказ наивысшего правительства – центрального комитета – большевизировать нас, в школах и в сёлах, чего бы это ни стоило,“ – пишет Янтцен.

Начался период невыносимого террора. Эти „восемь страшных“, как называет их Янтцен, не только каждый день собирали народ на пропагандистские собрания, но и брали у людей всё, что им нравилось. А с пытавшимися защищаться они просто-напросто вершили насилие. Однажды, в результате внезапного нападения, они завладели восемью меннонитскими школами. Выставив учителей за двери и выгнав их семьи из учительских квартир, они сами поселились там, даже не позволив владельцам забрать своё имущество. Когда одна из жён учителей попыталась сопро-

тивляться, большевистский учитель схватил топор и нанёс ей тяжёлое увечье.

Тильманы тоже вынуждены были покинуть своё жильё. Надвигалась ночь, а они с малыми детьми и без всяких средств стояли прямо на улице. Коммунисты даже не позволили учителям забрать свой небогатый скарб. Кроме того, они добились, чтобы почти все учителя, согласно приказа из Москвы, были высланы в Сибирь. Женщин и детей с большим трудом разместили у себя родственники. Мартына, вопреки большевистской логике, в Сибирь не сослали. Господь хранил его для какого-то другого дела.

Когда террор стал невыносимым, колония откомандировала Германа Янтцена в Москву. Ему удалось убедить московских чиновников, что поведение комиссаров в немецких сёлах ни в коей мере не соответствует коммунистической морали. Ему было обещано отозвать этих самовластных коммунистов, и вернуть учителей из Сибири. И чудо совершилось: одним прекрасным днём комиссары исчезли так же внезапно, как и появились. Никто не слышал, что с ними произошло. Учительские семьи могли снова вернуться в свои запущенные квартиры, куда вскоре вернулись и мужчины-учителя из Сибири. На несколько лет общины опять получили возможность свободно дышать.

Евангелие за кастрюлей с супом

В конце 1921 года областной комиссариат в Аулие-Ата решил экспроприировать крестьян. Сотни землепашцев лишились не только собственности, но и своих жизней.

Особенно тяжело коснулась экспроприация киргизских семей. Если в немецких и русских сёлах ещё были какие-то пути и возможности припрятать хлеб и зерно и таким образом избежать разбойничьего грабежа продотрядов, то у кочевников-киргизов, питавшихся в основном от своих стад, после того, как у них забрали их отары скота, не осталось никаких средств к существованию. Начался голод. К нему добавилась волна эпидемии тифа. Она не обошла ни немцев, ни киргизов. Янтцен пишет о ситуации 1922 года: „Повсюду на полях и в степях лежали умершие от голода люди. Нас мучил страшный запах разлагающихся трупов, но никому до этого не было дела."

В это тяжёлое время меннониты колонии снова вспомнили о своём задании: то малое, что у них оставалось, поделить с нуждающимися мусульманами. Продолжалось ли медицинское обслуживание в селе, выяснить из имеющихся документов не удаётся. Но Янтцен рассказывает об оборудованных в двух общинах кухнях для бедняков. Каждые два дня закалывались два быка, чтобы приготовить еду для 400-500 киргизов, получавших два раза в день пищу. Многие из них оставались в немецких сёлах. Они жили в больших,

стоявших пустыми, амбарах. Между приёмами пищи молодые люди рассказывали киргизам библейские истории. Время от времени Герман Янтцен, Г. Регир и Г.Р.Браун проводили богослужения для киргизов. Такая работа проводилась в течение всего 1922 года.

Немцы покидают страну

Несмотря на такой обнадеживащий духовный опыт, положение немцев-меннонитов в стране становилось всё труднее. История Германа Янтцена наглядно показывает, каким затруднительным было положение немцев в послереволюционной России. В конце 1920 года он поехал в Москву по делам общины, из-за ставшей бесчеловечной в селе власти местных коммунистов. Там он встретил Альвина И.Миллера из меннонитского центрального комитета, который рассказывал, что Янтцен, а с ним, возможно, и все меннониты Центральной Азии, имеют большое желание выехать на Запад. Миллер пишет: „Вся община горит одним желанием – выехать, и брат Янтцен тоже очень хочет на родину своих предков, в Голландию ...“ Дальше он цитирует Янтцена следующими словами: „Ах, как я устал, устал и хочу покоя.“

Положению меннонитов в России между 1914 и 1920 годами действительно невозможно было позавидовать. Иоганнес Варнс, учитель библейской школы в Виденесте, совершавший в 1907 и 1912

годы путешествия в колонии меннонитов с целью посещения некоторых бывших учеников-берлинцев, писал в 1922 году: „Перечитывая эти страницы (Сообщения о положении меннонитов в России – примеч. автора), я содрогаюсь. Глубокое сочувствие и бесконечная печаль охватили меня."

Несчастья и страдания пришли с началом первой мировой войны, с 1914 года. Меннониты говорили по-немецки, сразу попав под подозрение, что они сотрудничают с немцами Германии. В феврале царь подписал указ „О ликвидации и отторжении земельной собственности немецких колонистов." Сведения о собственности этих колонистов заносились в соответствующие регистры. Некоторых меннонитов арестовывали и отправляли в лагеря для немецких военнопленных. Многим революция казалась тогда желанным спасением. Но всё получилось иначе. Вышеописанный террор „коммунистических миссионеров" в меннонитских деревнях, являлся только часть многих ужасов.

Для большинства миссионерски настроенных меннонитов больше не представлялось никакой возможности проявлять евангелизационную активность. Многие думали так, как Герман Янтцен. Вскоре и немецкие миссионеры из Германии покинули Россию. Освальд Гербольд, как и семья Бон вернулись в Германию в 1920 году. Герману Янтцену тоже чудом удалось бежать в Германию в 1923 году. Выезд меннонитских руководителей и немецких миссионеров лишил и последних, ещё активных меннонитов мужества.

Основание „Альянс"-общины

Мартын Тильман давно предвидел такое развитие событий. Ему было ясно, что дальнейшая работа возможна лишь с основанием новой общины. Вихри войны и революции давно докатились и до Туркестана. Ситуация меннонитов немецкого происхождения становилась всё проблематичнее. Многие из них искали способы покинуть эту беспокойную страну. С основанием общины, которая по своей конфессии была бы близка к Союзу евангельских христиан в Санкт-Петербурге, и независима от меннонитов, были связаны надежды на продолжение начатой миссионерской работы и после возможного крушения меннонитских колоний. Кроме того, меннониты уклонялись от принятия в свои общины пришедших к вере людей других национальностей. В близлежащих сёлах к покаянию пришла, очевидно, целая группа русских, а также в 1917 году Тильман писал братьям в Берлин о покаянии нескольких киргизов. Обе меннонитские общины отказались принять этих вновь обращённых в свои ряды. В Таласской долине, как и в других районах России, обнаруживала себя старая меннонитская проблема: они всегда были готовы проповедовать людям Евангелие и своей жизнью быть примером любви Христа; но ставить знак равенства между собой и людьми других национальностей, а тем более принять их в свои ряды, большинству из них казалось невозможным. Почему же? Может быть, они в эти переменчивые времена всё ещё боялись

потерять привилегии, полученные ими когда-то взамен на отказ миссионировать православных русских от царицы Екатерины Второй? Или они не хотели жертвовать своей немецкой речью в общине и, в конечном счёте, своей национальной особенностью? А может они опасались, что их дети вдруг выйдут замуж или женятся на вновь обращённых русских или киргизах?

Все эти причины играли, конечно же, определенную роль, но для Мартына Тильмана всё это имело маленькое значение. Он приехал в Туркестан спасать гибнущих киргизов, и считал своей задачей не заботу о поддержании status quo меннонитов, а защиту интересов своих духовных детей, русских, киргизов и других немцев. Основание общины, способной стать родной для всех христиан, стало задачей первой необходимости. Кроме того, существовало ещё одно опасение: вновь обращённые других национальностей в глазах своих соотечественников своим приходом к „немецкой вере“ предавали собственный народ. Особенно киргизы постоянно мучились от таких упрёков. Лучшим решением этой проблемы Тильман считал создание доступной для всех „Альянс“-общины. Как и при попытке создания миссионерской станции на Чу, здесь снова проявились дальнозоркость и готовность Тильмана искать новые пути, если не годятся старые.

Он прекрасно понимал, что меннониты в этом деле его не поддержат. Вскоре выяснилось, что на этой почве у него даже с близкими ему людьми

возникли проблемы. Не кто-нибудь, а Герман Янтцен резко высказался против его планов. Но Тильман не прислушивался больше к доброжелательным советам своих братьев. Если он был в чем то твёрдо убеждён, его никто не мог переубедить. Он только ждал возвращения своего многолетнего соратника Рудольфа Бона, с которым его всегда связывало интенсивное молитвенное общение. Когда в 1917 году Бон вернулся в Николайполь и поддержал Мартына в его замыслах, основанию новой общины больше ничего не мешало.

В 1918 году миссионеры решили основать „Альянс"-общину по образцу братских общин в Германии и Англии, близких по своей конфессии к русским евангельским христианам. Такая форма общины обещала миссионерам единственную возможную основу для многонациональной совместной жизни христиан в этой местности. Нечто подобное они уже наблюдали в Берлине, что послужило им образцом для создания общины в Николайполе.

Главная роль при основании общины выпала Мартыну Тильману. Рудольф Бон пишет: „Он обладал богатым опытом в христианских делах, поэтому его сотрудничество при основании общины пять лет тому назад имело особо важное значение, и мне до сих пор не ясно, как бы мы справились со всеми трудностями без него ... То, что дело имело успех, в наибольшей степени его заслуга, то есть – что я говорю? Господь использовал нашего брата как орудие для Своего дела."

Спустя два года после основания общины, о её росте можно было только радоваться.

В одном из писем к Бону от 10 января 1923 года Мартын Тильман пишет, что община по-новому открыла для себя задачу работать среди русских в окрестных сёлах. Для этой цели, кроме всего прочего, из Ташкента в Аулие-Ата приглашался молодёжный хор. К сожалению, цены на проезд были так высоки, что в момент написания письма это было невозможно. Тильман, однако, надеялся, что Господь и в этом деле скоро поможет, и продолжает: „Наши молодые братья и сёстры уже приступили к работе в соседнем селе Ключовка. Начало было в другом селе, в Димитровке, но там встретились такие трудности, что продолжать работу было невозможно. В начале прошлого года мы начали работу и в другом соседнем русском селе, в Водно, но и здесь мы столкнулись с большими трудностями со стороны адвентистов, использовавших своё влияние для того, чтобы помешать благословенному успеху.“

Через некоторое время, после смерти Тильмана и отъезда немецких миссионеров, община прекратила свое существование. Бон был прав, когда в 1923 году писал: „Да, община в Николайполе с его смертью много, много потеряла.“ Надежды, что община может самостоятельно продолжить работу, начатую Боном и Тильманом, не оправдались.

Глава 7

Его последними словами была песня

Без семьи и друзей

Ситуация в стране становилась всё трудней. Многие годы не удавалось каким-либо способом связаться с центральным миссионерским обществом в Германии или Англии. В одном из писем от 17 ноября 1920 года Рудольф Бон писал в Виденест: „Уже три года мы не получаем никаких известий из Германии!“ Это письмо он передал с одним молодым меннонитским братом, по имени Генрих Гейдемертенс. Последний, хотя и имел русское гражданство, но вместе с Боном арестовывался по причине своей национальности, и пытался теперь бежать в Германию; был, однако, из Москвы отправлен обратно в Киргизию.

Смутные времена войны делали миссионерскую работу среди мусульман почти невозможной. Для семьи Бон больше не было смысла оставаться на миссионерском поле. Русские и особенно немецко-австрийские коммунисты, селившиеся в колонии, делали их жизнь всё трудней и трудней. Постоянно существовала угроза ареста, и с тяжёлым сердцем они, наконец, решили покинуть эту страну. Раздав своё небогатое имущество, они до отъезда перешли к Тильманам, у которых прожили до конца мая 1922 года. 30 мая с тремя детьми – с приёмным сыном-киргизом Отто, и собственными: Елизаветой и Альфредом – они отправились в путь. Прощание с селом Николайполь было для семьи трудным. Они покидали места, где проработали полжизни. Здесь оставалась одна из общин, в основании которой они

принимали активное участие, а так же с самого начала бывший с ними верный сотрудник, Мартын Тильман со своей семьёй. Супруги Бон пишут: „Сердечной и трогательной была любовь, которую мы чувствовали во время нашего отъезда от всего немецкого поселения, особенно от братьев и сестёр во Христе. В прошедшие годы мы делили вместе и радости, и горести. Голод, страшные эпидемии сыпного тифа, холеры и пр. учинили в нашей среде и вокруг большие опустошения. К этому надо добавить постоянные притеснения, угрозы и бесхозяйственность большевиков. Всё это нас настолько сплотило, насколько способны лишь горе и несчастья. Но нас обильно благословлял Бог, Он воспитывал нас так, чтобы мы, освобождённые от земных скорбей и печалей, ждали Его прихода. Это было благословенным переживанием."

Через Оренбург, Самару, Москву и Ригу им удалось покинуть страну. Это была незабываемо страшная дорога. Лишь 8 июля они прибыли в Москву, а 10 августа наконец достигли родины.

Тильманы остались в Николайполе. Возникало ли и у них желание выехать в Германию? Вопрос остаётся открытым. Нигде в письмах и документах тех лет я не нашёл ни одного намёка на такое желание Тильмана. Он очень хорошо понимал, почему Бону, немцу из Германии, нужно возвратиться обратно. Он очевидно, приветствовал и то, что Г. Янтцен отправился в Германию. Он понимал также меннонитов, которые предпринимали всё, чтобы избежать советского ада. Но для себя и

своей семьи он эти аргументы считал неубедительными. Бог привёл его в Туркестан, и только Он один мог его, Тильмана, отсюда отозвать. Человеческие доказательства здесь не годились. А что же Бог? Бога такое развитие событий не впечатляло. Мартын должен был остаться.

Новое поручение

Работа среди киргизов, однако, всё больше ускользала из рук Тильмана. И его личное положение становилось всё тяжелее. Уже в 1922 году он лишился должности учителя в селе Романовка. Чиновники заменили его учителем-прокоммунистом. От Тильманов потребовали освободить учительский дом. Они переехали в маленькую, сырую квартиру в том же селе. Тильмана просто чудом не сослали в Сибирь, куда отправляли других школьных учителей. Начатое когда-то дело: миссионерствовать в Киргизии – казалось, рушилось.

Но Бог отворил другие двери. Теперь ему особенно пригодился данный Богом исключительный талант быть пастырем. Всё чаще его приглашали в окрестные русские общины проповедовать и решать вопросы душепопечительства. Уже раньше, как Тильман, так и Бон регулярно посещали существовавшие немецкие и русские общины. Тогда их больше всего занимал вопрос настроя верующих этих общин на миссионерство среди ещё не слышавших Евангелия мусульман.

Как важны были эти посещения, показывает основание в октябре 1922 года в Старой Самаре меннонитского миссионерского общества, куда, как сообщает Тильман, приезжали и представители трёх Николайпольских общин. Он пишет: „Самый большой успех этой конференции заключался в том, что было решено с новой силой приняться за евангелизацию киргизов.“ Другой важный момент выражался в том, что обе меннонитские общины Таласской колонии всё больше склонялись к мысли о необходимости проповедовать Евангелие русским. Герман Янтцен рассказывает об участии двух хоров упомянутых общин в евангелизации среди русских в Аулие-Ата, организованной русским евангелистом Щетининым. Евангелизация имела большой успех. Щетинин прибыл из Ташкента и был лично знаком с Тильманом. Можно предполагать, что евангелизация среди русских в Аулие-Ата состоялась по инициативе Тильмана. Щетинин сообщил Янтцену, что он послан в Аулие-Ата ташкентской общиной, где Тильман перед этим проводил занятия для братьев, целью которых было настроить их на миссионерство. То обстоятельство, что Щетинин обратился за помощью в евангелизации колонии не к „Альянс“-общине в Николайполе, а к Янтцену, объяснить очень просто. Маленькая „Альянс“-община уже была занята евангелизацией в окрестных русских сёлах, чего нельзя было сказать об обоих меннонитских общинах. Через Германа Янтцена, не присоединившегося к „Альянс“-общине, а относившегося

к ней скорее скептически, Щетинину было легче установить связь с обоими меннонитскими общинами.

В конце 1922 года Тильман, как уже было упомянуто, провёл два месяца в Ташкенте, чтобы провести здесь с другими братьями библейские курсы о созидании общин. Ташкентская община была основана 7 августа 1919 года. Во время несения Тильманом служения в этой общине, она уже выросла до 105 членов, из которых, по различным обстоятельствам, лишь 89 жили в Ташкенте. Только в 1922 году к этой общине присоединилось ещё 27 членов. Этот быстрый рост требовал дополнительного внимания к её членам. Для этой цели и был приглашён в Ташкент Тильман.

Его работа, видимо, имела такой успех, что Мартын, взволнованный и увлечённый событиями конференции, пишет: „В ноябре я послал вам письмо из Ташкента, где мы в одно время переживали необыкновенные благословения. Моим заданием там было ведение библейских курсов, и я сам не в состоянии сказать, кто больше был благословен – говорившие или слушавшие. Благословение, которое я лично получил, состояло в том, что я никогда так глубоко не осознавал свою недостойность и ничтожество, как именно там. Я убедился, что смогу лишь тогда что-либо дать этим братьям и сёстрам, когда сам буду что-то иметь, и что я лишь тогда буду что-то иметь, что смог бы отдать, если буду черпать из полноты Христа, Который говорит: „Просите, и дано будет вам“ (Ев Матфея 7, 7). Без сомнения, таш-

кентская община находится в гораздо более лучшем состоянии, чем десять лет тому назад, когда мы были там в первый раз. Теперь Бог может использовать её как орудие для приведения к покаянию грешников. Почти каждое воскресенье принимают крещение 4-6 душ, и дело Христово успешно шагает вперёд.“

Господь дал ему новое задание. Теперь, когда работа среди киргизов почти пришла в упадок, он получил возможность участвовать в закладке нового фундамента. И он строил его с неизменной целью перед глазами: достичь Евангелием мусульман Центральной Азии.

Чимкент – последнее пристанище

Последнее задание Мартын Тильман взял на себя в начале 1923 года в Чимкенте. Он был приглашён на многодневную конференцию, где, среди других, рассматривался также вопрос о работе среди русских и мусульман. В Чимкентской области уже некоторое время работал русский брат Миронов. Через его служение пришло к вере много русских людей окрестных сёл. Согласно Тильману, Миронов просил „Альянс“-общину в Николайполе о сотрудничестве. С этой целью в Чимкенте 19 января 1923 года должна была состояться конференция, на которой Мартыну Тильману предстояло говорить Слово.

Тильман прибыл в Чимкент не совсем здоровым. Он сильно простудился, но это не мешало

ему полностью отдать себя делу конференции. Бог особо благословил его служение. Вдохновлённый делами Бога, он высказал своё последнее желание: „... чтобы братья и сёстры, разъехавшись по домам, были охвачены тем же огнём, который горит здесь в Чимкенте.“

Затянувшаяся простуда перешла в воспаление лёгких. Неделю спустя Мартын был присмерти. Рудольф Бон пишет о его смерти: „Когда он скончался, рядом с ним не было никого из немцев. У его кровати сидел русский старичок, и когда Тильман почувствовал, что его конец приближается, он сказал этому брату: „Я больше не увижу свою семью. Дни мои сочтены.“ Он попросил этого старичка записать всё, что он, брат Тильман, ему скажет. Старый русский брат ответил: „Пиши сам, я писать не умею.“ Мартин больше ничего не сказал. После этого он ночью что-то говорил по-немецки и по-немецки пел, но никто его не понимал, потому что вокруг него были только русские. На следующий день он уже не мог разговаривать.“

Его последними словами была песня. Немецкая песня. Может быть, одна из тех, которую он однажды выучил в Берлине. Присутствовавшие русские этой песни не знали. Но Бог услышал и понял его. Он призвал Мартына Тильмана, Он же его теперь и отозвал – с песней на устах.

Пятью минутами позже в комнату умершего вошёл возвратившийся сотрудник Тильмана, немецкий брат Поевский, который за несколько дней до этого, во время болезни Тильмана, уехал в

близлежащие сёла проповедовать Евангелие. Это было 29 января 1923 года. Только шесть дней спустя смогла приехать Августа Тильман со своим сыном Яковом в Чимкент. Было очень холодно, и чимкентские братья и сёстры задержались с похоронами до приезда супруги Тильмана. Воскресным днём 4 февраля 1923 года Мартын Тильман был похоронен на русском кладбище в Чимкенте.

Его свидетельство: смирение и верность

Иоганнес Варнс писал о Мартыне Тильмане в год его смерти: „Он был надёжным, верным работником среди русских и немцев, киргизов и сартов Центральной Азии.“ Верность – это то качество, которое отличало Тильмана прежде всего. Рудольф Бон, который знал его лично, как никто другой, писал о своём друге в год его ухода в мир иной: „Мало таких людей, которые его действительно знали, потому что он принадлежал к натурам скромным и сдержанным, подобным заповеднику. Он не был очень одарённым, с бросающимися в глаза способностями человеком, но его отличали глубокое смирение и непоколебимая верность. Его душу действительно нужно было изучить, прежде, чем увидишь её до дна. Но кому была предоставлена возможность знать его в течение пятнадцати лет, для того было совсем не трудно обходиться с неровностями и твёрдостью его характера. Он был действительно искренним, покорным, очень опытным в Слове Божьем уче-

ником Иисуса, и к тому же верным, хорошим другом, на которого всегда, особенно в трудное время, можно было положиться. В любых обстоятельствах он любил правду и имел мужество за неё постоять. От природы он был близорук, зато в делах духовных был далеко – и вокруг смотрящим. Многие наши надежды, связанные с дальнейшим служением в Туркестане, после смерти брата Тильмана сошли на нет ... Но мы уверены, что работа в Туркестане из-за этого не остановится ...“

Работа, начатая Мартыном Тильманом, не остановилась. Хотя миссионерское поле деятельности из-за его смерти и всё усиливавшейся враждебности к немцам, почти „поросло сорняками“, Бог, однако, уже сделал первый шаг на пути евангелизации киргизов. Нога была уже в двери. И для этого Бог использовал Мартына Тильмана. „Хотя среди киргизов и сартов он достиг немногого, Господь много использовал его в работе среди русских и немцев, и придёт день, когда будет ясно, что Господь сделал через него, для нас и других,“ – добавляет Бон. Уже в год смерти Тильмана Пётр Янцен, член основанной Тильманом и Боном „Альянс“-общины из Романовки, восторженно писал Рудольфу Бону в Виденест о действиях Бога в Киргизии и особенно в Таласской долине. Совместная работа русских евангельских христиан и „Альянс“-общины, о которой была достигнута договорённость ещё во время чимкентской конференции под руководством Тильмана, давала первые плоды. Везде в окрестных

русских сёлах Евангелие шло в наступление. Янцен: „Со всей работой невозможно справиться. Некоторые из наших братьев сделали почти невозможное, чтобы выполнить все возложенные на них обязанности.“

Работа среди мусульман началась с новой силой. Вместе с русским миссионерским обществом „Маяк“ братья и сёстры решили основать новую миссионерскую станцию для работы среди киргизов. Её должны были построить в открытом поле, между Николайполем и Романовкой. В конце 1923 года место было обнесено забором, и слепой брат-сарт Ахмед построил здесь себе маленький домик и посадил огород. Планировалось открыть медицинский пункт с миссионером-врачом и несколькими медицинскими сёстрами. Многие члены общины готовились принять активное участие в работе среди киргизов. Один учитель-киргиз преподавал им для этого уроки киргизского. Спустя год после смерти мужа Августа Тильман писала в Виденест: „Немного о работе среди магометан. Создается такое впечатление, что Бог сейчас вложил особую тоску в сердца бедных кочевников. В Димитровке, например, живёт один ищущий сарт.“ Дальше она рассказывает о ряде других контактов с киргизами. Рудольф Бон комментирует эти сообщения Августы Тильман следующими словами: „Некоторые братья и сёстры отдали себя Господней работе среди магометан. Речь идёт о решительных верующих, которых Бог использует для Своей работы. Они хорошо говорят по-киргиз-

ски и, неомотря на все трудности, голод и опасности, они готовы идти путями первопроходцев. При этом они сами себя содержат. Всего у нас в этой работе задействовано восемь братьев и сестёр.“

Так работа, некогда начатая Мартыном Тильманом, всё-таки продолжалась. И сегодня, семьдесят лет спустя, молодая киргизская община цветёт, как вряд ли какая-нибудь другая в Центральной Азии. Бог сдержал обещание, данное некогда Мартыну Тильману и другим миссионерам из Германии.

Printed by World Wide Printing
Dancanville, Texas-Minsk, Belarus

Религиозное издание

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Подписано в печать с оригинал-макета 10.12.98.
Формат 76x108$^{1}/_{32}$. Бумага офсетная. Усл. печ. листов 6,08.
Усл. кр. отт. 6.46. Тираж 30000. Зак. 8165.

Типография "ПИКОРП" ЛП № 161 от 30.12.98 г.
220141, г. Минск, ул. Жодинская, 18.